

ДРАКОНЬЕ НАСЛЕДСТВО

Мария Янисова

Мария Анисова

Драконье наследство

«Автор»

2026

Анисова М. А.

Драконье наследство / М. А. Анисова — «Автор», 2026

За годы жизни среди людей драконы стали почти неотличимы от нас. Тем не менее, потомки древних чудовищ существуют - и студентка истфака Дельфина оказалась одной из них. Во снах ей начинают приходить видения из прошлых жизней, показывая трагедии, которые вот-вот повторятся. Пытаясь изменить судьбу, Дельфина с друзьями путешествует по Ближнему Востоку и Европе и раскрывает тайны древних драконьих кланов.

© Анисова М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	42
-----------------------------------	----

Мария Анисова

Драконье наследство

Сложно было поверить, что у кого-то зима бывает совсем иной: без снега, без хвои в инее, без новогодних декораций. Пожалуй, изо всех родных атрибутов этого времени года здесь были только мандарины – кислые и толстошкурые – да и те бесхозно валялись под деревьями, источая цитрусово-алкогольный аромат.

За окном автомобиля проплывали однообразные серые дома. Кое-где торчала арматура и виднелись следы снарядов. Скрыть их не могли даже высаженные в последние годы ряды жухлых пальм между трассой и жилыми кварталами. Окраины Бейрута, в котором ещё несколько лет назад шла гражданская война, мало чем могли обрадовать зрителя, и гости ливанской столицы всегда стремились поскорее попасть в облагороженный, неуловимо смахивающий на Париж центр города.

Для летящих с январского Урала студентов ливанская зима оказалась полна неожиданностей. Солнце палило нещадно, обжигая кожу даже сквозь тонированное стекло такси. Набиваться в несчастную машину вчетвером в такую адскую жару оказалось очень плохой идеей, но выбора не было: водитель запросил за поездку целых 20 долларов.

– Я же говорил, что надо было торговаться!

Длинноволосый и долговязый парень в очках, ёрзавший на заднем сидении, никак не мог смириться с обстоятельствами. Но две девушки, сидящие справа и слева от него, ничего не отвечали. Одна из них выглядела, как восточная принцесса: обилие золочёных украшений, узорчатая повязка на блестящих, как нефть, кудрях, свободная туника, не слишком скрывающая идеальную фигуру. Даже после длительного перелёта она была прекрасна и свежа, как роза, и пахла так же маняще. Когда она поднимала руки, чтобы поправить причёску или сделать пару взмахов бамбуковым веером, который держала в руке, её браслеты звенели, и звуки складывались в дивную завораживающую мелодию. Надо полагать, сумма в 20 долларов оказалась таковой благодаря её присутствию – для остальных поездка наверняка обошлась бы дороже.

Сидящая справа от долговязого девушка походила, скорее, на принцессу из средневековой Европы. Худая, с бледной кожей, на которой виднелись вены и капилляры, она то и дело пыталась приглаживать длинные пушистые волосы, как у Гвиневры с полотна Лейтона. Одета девушка была просто: в голубую футболку и джинсы, потёртые скорее из-за времени, чем из-за модного дизайна. Она была из тех, кто всегда проверяет вес своего рюкзака, зная, что желающих помочь с ним может не найтись. На фоне своей подруги средневековая принцесса всегда меркла, как меркнет подлинная, истинная история перед голливудскими сценариями. Но обеих эта ситуация устраивала: одна желала всегда быть в центре внимания, другая – спокойствия и тишины.

– Нет, ну, мы же все видели надпись “Bus stop”! – не унимался долговязый, – Надо было указать на неё таксисту! А вы мне даже слова вставить не дали, все, мол, жара, жара, давайте быстрее...

– Заткнись уже, Стас, – послышался суровый голос с переднего сидения рядом с водителем-ливанцем, тщетно пытающимся уловить смысл разговора на незнакомом языке.

Сказавший это юноша строго взглянул на товарища в зеркало заднего вида. Его нежное лицо с розоватыми щеками и русые кудри, как у купидона, вызывали ассоциации с прекрасным, но капризным ребёнком – таким он и был и на самом деле. Но если мальчиков с крылышками всегда рисуют очень милыми, в этом парне не было ни капли того, что может пробудить в окружающих материнский инстинкт. Брови его всегда были сдвинуты, а маленькие пухлые губки озвучивали сплошь недовольство и обвинения. Он был этакой тёмной тучей над головами своих друзей – и всё же они не представляли своей компании без него. Очень часто

замечания сурового купидона оказывались уместны – как, например, сейчас. Он легко остановил бесконечный словесный поток Стаса, а такие подвиги мало кому под силу.

Наконец, автомобиль миновал окраины и выехал на более живописные улицы, где кипела жизнь. Потянулись многочисленные кафе, магазины, кальянные, ювелирные мастерские. По тротуару гордо шествовали дамы в блестящих хиджабах из дорогих тканей, мужчины собирались в шумные компании и пели какие-то песни на арабском. Языка никто из друзей не знал, но по общему настроению можно было подумать, что исполняют они что-то праздничное, весёлое. Резкий контраст молодости и пестроты с мёртвыми серыми домами – типичный колорит Бейрута.

Кондиционер в салоне с самого начала поездки работал на последнем издыхании, и в итоге, чихнув ментолом, громко затрещал и затих. К счастью, четвёрка уже добралась до нужного места – гостиницы «Аль-Нази». Это была скромная, песочного цвета многоэтажка, не обещавшая ничего сверхъестественного. Впрочем, персонал оказался вполне приветливым, сервис – быстрым, и после всего получаса заполнения бумаг и общения на ломаном английском друзья вошли в свой номер. Четыре кровати, разделённые попарно деревянной ширмой, тумбочки, простой стол и телевизор – этим убранство ограничивалось. От пола и до середины окна стены были окрашены в грязный персиковый цвет. Над кроватями в них были сделаны углубления с простыми глиняными вазами – аутентичный декор для неискущённых.

– Чур, я у окна! – сразу заявил Стас и бросил огромный туристический рюкзак на кровать.

Мебель страдальчески застонала от такого грубого обращения. Парень подошёл к стеклу, посмотрел сквозь него и тут же пожалел о выборе места: из окна открывался вид на стройку с облезлым краном и ряд синих общественных туалетов.

Вздыхнув, Стас позвонил родителям, чтобы сообщить, что всё в порядке, и количество взлётов совпало с количеством посадок. Больше к телефону никто не притронулся. На вопросительный взгляд друга кудрявый парень хмыкнул что-то вроде «вот ещё, денег дали и ладно». У девушек Стас ничего спрашивать не стал.

– Хвала Афродите, тут есть зеркало! – обрадовалась восточная принцесса и тут же начала поправлять на лице что-то невидимое.

На пороге остались двое. Они неловко переглянулись между собой.

– Дельфина, я думаю, тебе надо жить на половине со мной, а не с Леной, – тихо предложил купидон, – Отдам тебе самую мягкую кровать, передвинем её поближе к розетке...

– А я думаю, тебе надо перестать делать мне непристойные предложения, – не растерялась девушка.

– Мы же практически помолвлены, Дель. Пора привыкать...

– Я ни на что не соглашалась. Может, оставишь меня уже в покое, Егор?

– Оставить в покое? Я приехал в этот грязный городишко только ради тебя!

– Я тебя не заставляла, – вздохнула Дельфина, – И мне очень жаль, что ты не видишь вокруг ничего, кроме грязи.

Сказав это, она направилась к кровати рядом с той, на которую небрежно бросила веер Лена, всё ещё крутящаяся около зеркала. Никто не обратил внимания на состоявшуюся перепалку: время после Нового года часто бывает особенно напряжённым. Студенты возвращаются домой на праздники, общаются с родственниками и вновь вспоминают, почему уехали и решили жить отдельно. Когда замуж? Когда дети? Зачем тебе этот исторический, надо было идти на юриста, как папа (дядя, дед, троюродная тётка – нужное подчеркнуть). Эти и другие фразы так набивают оскомину за несколько праздничных дней, что чаша терпения иссякает. До накопления ресурса на экологичное общение требуются месяцы отдыха – пока же приходится довольствоваться тем, что осталось.

К тому же, все знали, что Егор был влюблён в Дельфину, а она не отвечала ему взаимностью. Парень был настойчив: он сумел завоевать расположение приёмных родителей девушки – родные умерли, когда ей было всего три, – и даже попросил у них её руки в новогоднюю ночь. Получив положительный ответ от матери и отца избранницы, Егор начал считать себя полноправным женихом, а потому не захотел отпускать Дельфину в Бейрут одну. Благодаря связям и деньгам, которыми располагала его семья, юноша попал в группу археологов, отправлявшихся на раскопки в Ливан.

Остальные получили право полететь в страну у тёплого моря вполне заслуженно: все трое учились на одном факультете и набрали максимальное количество баллов, необходимое для получения своего места в группе. Проходить археологическую практику в Бейруте для студентов провинциального истфака считалось очень почётным: мало того, что институт за свой счёт отправляет их на море, так ещё и руководитель работ установил для участников кругленькую сумму вознаграждения. Она была почти втрое выше обычной преподавательской зарплаты, поэтому завистливые профессора устроили участникам весьма жёсткий отбор. К числу очевидных плюсов относилось также и то, что практика проходила в январе, а не в июне, как обычно – всё из-за жёсткого климата, не позволяющего эффективно работать летом. Так освобождалось больше времени для каникул – сдал сессию и сразу свободен.

Правда, ходили слухи, что размер вознаграждения соразмерен тяжёлым условиям труда. Те, кто что-то об этом знал, добавляли: дело вовсе не в твёрдом грунте или жаре. Причина высокой зарплаты – неуживчивый руководитель раскопок. Сведения о нём были весьма противоречивые. Кто-то говорил, что ему не больше тридцати, а кто-то называл стариком. Рассказывали, что он смертельно болен и слаб, но вспоминали и о том, что руководитель способен трудиться днём и ночью, не нуждаясь в отдыхе. Только в одном сходились однозначно: характер у руководителя отвратительный. Он никогда не даёт выходных и не разрешает устраивать перерывы – эксплуатирует подчинённых по-максимуму, выжимая все соки. Однако это не казалось друзьям большой проблемой. Пусть у них не будет времени искупаться – увидеть море уже казалось успехом. Кроме Егора, никто из друзей ещё не покидал границ Урала.

Настоящий студент может легко не спать несколько ночей. Обычно этот факт приобретает актуальность во время сессии, но иногда судьба подбрасывает и более приятные поводы. Первый день практики начинался на рассвете, а значит, у четвёрки друзей была впереди целая ночь, чтобы погулять по Бейруту. Восточные города оживают как раз в то время, когда восходит месяц. Дневная жара сходит на нет, зажигаются огни, открываются двери магазинов и кафе. Остаётся только идти туда, куда позовёт сердце, и пускай нити судьбы запутываются в поворотах городских лабиринтов.

Узкие улочки таинственно окутывал приторно сладкий дым из кальянных. Стас, Дельфина и Егор купили по стаканчику кофе в ближайшей лавочке и теперь искали, куда бы можно было незаметно его вылить, чтобы не ранить чувства местных. Если этот напиток и был родственником капучино, то явно очень дальним, если не сказать приёмным. Сначала он отдавал лимоном, потом мятой, а в конце жёг как чили, почти не оставляя шансов проглотить странное варево. Юноши, собрав волю в кулак, справились с этой непростой задачей, а Дель так и шла с полным ртом. Лена кокетливо посмеивалась над всеми ними, с удовольствием облизывая рожок мороженого. Взглянув на неё всего раз, Стас и Егор покраснели так, что старались больше не поднимать взгляд.

– Я же говорила, берите бузу!¹ – сладко хихикала она, растягивая прохладный, похожий на жвачку десерт, – Смотрите, какая прелесть!

¹ Восточное мороженое, в состав которого входит смола мастикового дерева, из-за чего десерт приобретает типичную тягучесть.

Никто не посмотрел. Самодовольно ухмыльнувшись, она обогнала друзей и устремилась куда-то к потёртой вывеске цвета кармина. Обнаружив неподалёку, наконец, подходящий угол с решёткой канализации, троица избавилась от своего кофе и догнала подругу. Лена стояла перед ничем не примечательными старыми деревянными дверями, что было совершенно на неё не похоже. Внутри не угадывалось ни магазина модной одежды, ни элитного клуба, где можно подцепить миллионера – даже непонятно было, открыто ли это заведение.

– Что здесь? – подняв бровь, спросил Стас.

– Похоже на казино, – заметила Дельфина, указывая на гравировку в виде карт на металлической вставке, – Хотя нет – вероятнее, дом гадалки. Я слышала, на востоке это распространено...

– Ой, давайте зайдём! – воодушевилась Лена, – Мне очень надо узнать будущее! Пожалуйста!

Девушка не привыкла, чтобы ей отказывали. Она росла в бедной многодетной семье, где дети не видели отца и мать из-за того, что те работали чуть ли не круглосуточно, чтобы обеспечить ораву голодных ртов. Старшие там ухаживали за младшими, и это факт не устраивал ни тех, ни других. Лена была средним ребёнком, что было хуже вдвойне: когда родителям было выгодно, они называли её взрослой, когда не выгодно – слишком маленькой, и эта характеристика всегда выходила не в её пользу. Как только Лене исполнилось четырнадцать, она устроилась на работу, съехала на съёмную квартиру и твёрдо решила: ни тяжело трудиться, ни жить в нищете она не намерена.

Не дожидаясь согласия друзей, Лена дёрнула незнакомую дверь. Та на удивление поддавалась. Будто декоративная рыбка, Лена занырнула в туманный мрак, пахнувший камфарой и ладаном. Дельфина и Егор направились следом, переживая, как бы её не потерять. Стас же остался стоять неподвижно.

– Ты не пойдёшь?

– Терпеть не могу гадалок! Подожду вас тут. Надеюсь, вы недолго... Хотя, учитывая, что эти мошенники отлично используют методы социальной инженерии, остаётся надеяться только на ваш интеллект. Насчёт вас двоих у меня сомнений нет, но вот Лена... Вы почему ещё здесь? Идите, забирайте её уже из этого логова!

Родители Стаса ещё во времена СССР преподавали научный атеизм и воспитывали сына соответственно. Сверхъестественные вещи вызывали у него почти физическое отвращение. Он верил в науку и лишь в неё. О том, что существует не только то, что доказано, и думать не желал. Поэтому сейчас Стас испытывал крайнюю неловкость, отказывая друзьям и оставаясь на улице в одиночестве, но не мог себя пересилить. Он так и стоял, скрестив руки на груди, когда дверь за его товарищами по археологической практике захлопнулась.

Пространство внутри ощущалось отдельным миром. Окна были занавешены тканью настолько чёрной, что, казалось, гости находятся где-то в космосе, в складках тёмной материи, сквозь которую не могут заглянуть даже самые мощные телескопы. Единственным источником света были огоньки свечей на низеньком столе, за которым сидела женщина неопределённого возраста. Её большие чёрные глаза окружала сеточка морщин, какие бывают только у древних старух, но всё остальное лицо сияло девственной молодостью. Особенно на нём выделялись пухлые губы, блестящие красной помадой. Кудрявые, заплетённые во множество кос волосы удерживала повязка из разноцветных лоскутов с небрежно пришитыми на них бусинами и монетами. Под увесистыми золотыми ожерельями скрывалось платье с коротким рукавом, найти которое можно было, разве что, в секунд-хенде. Все эти несоответствия казались такими странными и нелепыми, что даже немного пугали – всех, но не Лену. Девушка уже сидела за столом напротив гадалки, сложив ноги по-турецки, и не отрываясь, смотрела ей в глаза.

Странная женщина на секунду отвлеклась и обратила взгляд на вошедшую пару. Бровь её дёрнулась, словно платок в руках восточной танцовщицы, огонёк свечи блеснул, отразившись в чёрных зрачках.

– А где шетвёртый? – голос женщины был достаточно низким, а шипящие она произносила, раскрывая губы так, словно пыталась зарычать, – Ладно, пускай штоит за дверью, раз ему так хошется.

– Она говорит по-русски! – восхищённо прошептала Лена, оборачиваясь на друзей, – Представляете!

– Ага, – недовольно произнёс Егор, – А теперь вставай и пошли. Нечего нам тут делать. И денег мы не дадим!

– Мне не нужны деньги! – засмеялась женщина, и ожерелья на её шее зазвенели, – Я лишь делаю, што должна.

– Скажите, когда я найду себе мужа? – не вытерпела Лена.

Егор закатил глаза. Дельфина видела, что он едва сдерживался, пытаясь не схватить Лену за руку, чтобы вывести силой.

– Ты бы его уже давно узнала, если бы купила туфли подешевле! – отмахнулась гадалка, словно озвучив что-то очевидное, и указала на Егора, – Ты! Успокойся и сядь!

Невидимая волна смысла недовольное выражение с лица Егора буквально за секунду. Дельфина удивилась – она впервые видела его таким. Парень сел на место, которое уступила ему притихшая Лена. Гадалка раскрыла свои глаза и посмотрела на него. Со стороны это выглядело так, словно две чёрные дыры засасывают в себя всё, что посмеет приблизиться к ним – и даже Егор невольно подался вперёд, подчиняясь неведомым силам.

Дельфина почувствовала, что ей становится дурно. От благовоний горло запершило так, что стало трудно дышать, руки похолодели, в глазах поплыли круги. Стиснув зубы, она всё-таки устояла на ногах. Гадалка, почувствовав что-то, заговорила быстрее:

– Ты хошешь забрать то, што не твоё! Знаешь, ты?

– Да... – отвечал Егор словно не своим голосом, тихо и медленно.

– Но не отступишься?

– Не... отступлюсь...

– Мальшишка! – всплеснула руками гадалка, чуть не уронив свечи, – Невозможно украсть у судьбы. Можно только отвоевать, пролив кровь, но это непросто, ошень, ошень непросто! Тебе нужно будет оружие! Найди его... и тогда будет шанс. Маленький, как искра. Но если ты снова разожжёшь из неё пожар – сам же в нём и сгоришь! И даже имя тебе не поможет.

Темнота ткани, поглотившая поднявшуюся Лену, теперь целиком окутала и Егора. Дельфина почувствовала, что осталась одна – от этого томительного, давящего ощущения ноги сами подкосились, и девушка тоже оказалась перед столиком.

– Што ж, шладенькое напоследок... – протянула гадалка, – Ведь вы шетверо оказались здесь из-за тебя.

– Это Лена, – преодолевая тошноту, сказала девушка, – Лена увидела вывеску.

– Шепуха. Она лишь наживка для рыбки. Я потянула леску к себе – и вот ты здесь.

– Простите... Зачем я вам нужна? Я... неважно себя чувствую.

– Конечно. Бейрут не хочет принимать тебя. Не хочет повторения истории.

– Но я здесь никогда не бывала!

– Ты, может, и нет. А вот твоя душа...

Чёрные дыры закрутились, погасив одну свечу: отблеск пламени мелькнул в них и исчез навсегда. Дельфина почувствовала, что становится душно.

– Уезжай отсюда поскорее. Сегодня же. Сейчас же! А не то дракон найдёт тебя. И тогда будет уже поздно, моя маленькая рыбка.

Женщина потянулась к ней своими длинными худыми пальцами, но коснуться не успела – комнату вдруг залил яркий свет уличных фонарей. Это Стас, утомившись от ожидания, распахнул обе створки дверей, ворвался внутрь и сдёрнул покров чёрной ткани.

– Так, немедленно прекращаем это мракобесие! – он схватил за руку Дельфину, подтолкнул к выходу замерших восковыми куклами Лену и Егора, – Развелось же всяких!

Повернув голову, которая уже кружилась со скоростью центрифуги стиральной машины во время отжима, Дельфина успела увидеть лицо женщины, освещённое фонарями. В целом оно осталось неизменным, но глаза... глаза были белы, словно никогда не имели ни радужки, ни зрачков. Гадалка испуганно шарилась руками по столу, ощупывая предметы. Она была слепа.

Очнулась Дельфина уже в гостинице. За окном всё ещё была ночь. Она лежала на кровати, а рядом, на краешке, сидел Егор с тарелкой чего-то, напоминающего пустоватый суп.

– Наконец-то! – сказал он так, как будто высказывал претензию, – Ты нас напугала! Давай, съешь немного. Ты сегодня ничего не ела.

Голова всё ещё кружилась, поэтому спорить не хотелось. Дельфина сделала глоток.

– Это что, бульон из пакетика «Доширака»?

– Так мы больше ничего с собой и не брали! Если хочешь, я закажу доставку. Что нужно? Стейк? Плов? Салат какой-нибудь? Давай всё сразу. Тебе же ещё сына мне рожать!

Громко вдохнув, Дельфина спустила ноги с кровати и напарила ими резиновые шлёпки.

– Ты куда это?

– Appetit пропал.

За перегородкой Лена и Стас играли в шахматы. Дельфина взглянула на доску: ровно через один ход подругу ждал «детский» мат, но вместо того, чтобы защититься, она жадно смотрела на намеренно поставленного под удар ферзя.

– Мне кажется, ты не замечаешь очевидного... – попыталась мягко намекнуть Дель.

– Вот и нет! Я всё прекрасно вижу!

Ферзь полетел в коробку. Стас покачал головой и одним движением сгрёб все фигуры с доски.

– Я же говорила, ты совершенно не умеешь проигрывать! – заявила Лена и повернулась к подруге, – Ты как?

– Получше. А вы?

– Мы в обморок не падали...

– То есть это только со мной случилось?

– Ну да... Та слепая гадалка наговорила нам всем каких-то глупостей. Дешёвые туфли... Как это поможет мне найти своего богатого красавчика?

– Я только в конце заметила, что она слепая. Когда Стас сдёрнул ткань.

– Серьёзно? То есть белые глаза тебя не смутили?

– Поначалу они казались мне тёмными. Знаешь, как чёрные дыры...

– Да нет! Тебе померещилось.

– Не удивительно, – вклинился Стас, – Чем дольше слушаешь этих сумасшедших, тем больше сам сходишь с ума. Я подросел вовремя.

– Это точно. Спасибо тебе!

– Эй, я вообще-то тоже помогал! – Егор вышел из-за перегородки, – Пытался вытащить Лену. Если бы она не упиралась...

– Ой, кто бы говорил! – парировала красавица, – А кто гадалке шептал свои ответы, так нежно-нежно?

– Ничего не нежно! – он покраснел, – Моей нежности достойна только Дель.

Никто не воспринял эту фразу всерьёз. Взглянув на часы, студенты засобирались спать – до подъёма оставалась всего пара часов. Перелёт и обилие впечатлений утомили друзей, и сон накрыл их быстро, как ночь увлечёвшегося путника.

Дельфине редко снились сны. Обычно они бывали ничего не значащим, искажённым повторением событий дня. Но сегодня всё оказалось иначе: едва голова коснулась подушки в гостинице, она же поднялась с неё по ту сторону сновидения. Это произошло так легко и естественно, что Дельфина даже не успела удивиться.

Девушка огляделась, не понимая, что происходит. Она лежала на широкой кровати в большой комнате с резными окнами, вырубленными в камне. Сквозь них просвечивал то ли закат, то ли восход, сияющий одновременно розовым кварцем и голубизной сапфира. Горы вдалеке утопали в буйной зелени, изредка среди них виднелись белые крыши домиков, зубцы песчаных крепостей и высокие античные колонны. Ни одна телевышка не портила этот прекрасный, завораживающий вид, на который хотелось смотреть целую вечность, не отрывая взгляда.

Яркие шёлковые простыни мягко касались тела, такого же худого, но загорелого. Ноги и руки обвивали браслеты. Длинное платье, по всей видимости, служившее ночной рубашкой, украшала восточная вышивка. Рядом с кроватью стоял стол с небольшими глиняными баночками, в которых находились краски, и несколькими испачканными кисточками. Рядом с ними на голове какой-то статуэтки был закреплён круглый золотой диск, отполированный до зеркального блеска. Туалетный столик?

Горячий ветер, ворвавшийся в комнату, раздул изумрудную занавеску, и она зазвенела закреплёнными на ней нитями украшений. На этот звук в комнату осторожно вошла девушка, тихо притворяя за собой дверь:

– Госпожа, вы уже проснулись?

Дельфина испуганно посмотрела на неё: прилизанные волосы, серая одежда, кувшин в руках. Это была служанка. И, хотя она ей только снилась, заговорить почему-то было неловко.

– Госпожа-а-а...

Служанка поставила кувшин, подошла к ней и обняла, вдруг заплакав. Нежной кожей спины Дельфина почувствовала грубую кожу на руках девушки в сером и мягко отстранилась. Она решила не говорить, что видит её впервые.

– Давайте я помогу вам одеться, – сказала служанка, вытирая слёзы, – У вас будет самый красивый наряд во всём Гевале!

«Гевал, Гевал... – изо всех сил соображала Дельфина, – Где это?». Она хорошо изучала географию Ливана и всего Ближнего Востока, но никак не могла вспомнить ничего похожего. Пока девушка напрягала память, служанка достала во всех смыслах прекраснейший наряд. Он представлял собой белую тунику из ткани, напоминавшей шифон, но ещё более невесомой – в таких рисовали греческих богинь и персидских принцесс. Они буквально плыли в воздухе так же медленно, как щупальца полупрозрачных медуз в морских водах. Но больше всего поражало даже не это, а цвет накладки. Сияющий перламутром пурпурно-красный – подобного Дельфина никогда в жизни не видела. В этом цвете было что-то то морское, сказочное, космическое – ему было сложно подобрать описание. На свету он играл всеми близкими и контрастными оттенками, а в тени словно светился люминофором.

– Какая... красота! – восхищённо ахнула Дельфина.

– Да... – грустно улыбнулась служанка, – Вы будете самой прекрасной невестой!

– Четыре утра-а! – тонкий голос Лены ножом врезался в ткань сна, грубо разорвав её, – Пора собираться!

Дельфина с трудом разлепила глаза – видно, сказывалось вчерашнее переутомление. Трое друзей уже не спали: Лена красила ресницы у зеркала, Стас сидел готовый, держа книгу

на пузатом рюкзаке. Обложка толстого тома гласила: «История эволюционного учения». Книга выглядела тяжёлой во всех смыслах. Егор, стоя у груды вещей и потирая золотую серьгу в ухе, думал, что лучше взять с собой.

– Во сколько автобус? – сонно спросила Дельфина у подруги.

– Через пятнадцать минут, дорогая!

За это ничтожно малое время нужно было превратить себя из засохшей мумии в более-менее приемлемого археолога. Дельфина бросилась чистить зубы и переодеваться – благо, рюкзак подготовила ещё с вечера. В нём лежала пара злаковых батончиков, термос с водой, широкополая шляпа, крем от загара и влажные салфетки. Вряд ли, конечно, последние справятся со всей грязью, которая пристанет за день – но это лучше, чем ничего.

Бросив взгляд на Егора, Дельфина заметила, что тот никак не может выбрать, какой из перстней-печаток надеть, а какой – взять с собой. Сразу видно, что археология ему не близка. Девушка осуждающе покачала головой.

– Чего ты? – возмутился Егор, – Лучше бы выбрать помогла!

– Никакой не бери. Ты все пальцы лопатой сотрёшь, а украшения поцарапаешь или потеряешь.

Парень прищурился.

– Я надену оба. Вижу же, что специально говоришь. Хочешь, чтобы я стал менее стильным, и тебе было проще меня игнорировать. Не выйдет!

– Хоть крестик от серьги отцепи. Тут народ не самый толерантный, сам знаешь.

Перед глазами пронеслись искорёженные высотки с торчащими арматурами. Егор задумался. Зачем она про это вспомнила? Беспокоится? Или проверяет, боится ли он?

– Думаешь, я ливанцев испугаюсь? – нарочито небрежно ответил он и заправил кудри за ухо, чтобы открыть серёжку, – Ни за что. Я смелый. За мной будешь, как за каменной стеной.

Ничего не ответив, Дельфина вернулась к своему рюкзаку. А Лена, тем временем, принялась уговаривать Стаса помочь ей с сумкой.

– С чего я должен её тащить? – не унимался парень.

– Потому что ты самый сильный! – притворно ворковала она, – Тебе же это совсем легко! Вон какие мускулы!

– Я же уже тысячу раз говорил: я не поведусь на твои эти... женские приёмчики! У тебя у самой силищи как у рабочего муравья!

– Ой, да что ты? С чего бы это я, девушка, должна трудиться как рабочий муравей?

– Если ты не знала – а я в этом более чем уверен – все рабочие муравьи являются самками. У самцов слишком короткий период жизни, и всё, что они успевают – это попытаться продолжить свой род перед тем, как умрут. Впрочем, муравьи ещё даже не самые сильные. Вот навозные жуки...

– Иди к чёрту!

Перепалка вновь разделила коллектив на две половины: женскую и мужскую. Так попарно они и отправились к автобусу, стараясь не обращать внимания друг на друга. На площадке у входа в гостиницу уже толпились и другие студенты, приехавшие проходить археологическую практику. Скоро с улицы, чихнув выхлопом, завернул красный автобус с внушительного размера шинами и высоко поднятым брюхом. Он с шипящим вздохом распахнул свои двери. Заняв свои места, все тронулись в путь.

Дорога предстояла долгая – нужно было добраться до долины Бекаа, лежащей между двумя живописными горными хребтами. Вершины их искрились снегом, а у подножий бурно цвела зелень – по крайней мере, такие картинки показывал интернет. На деле же полюбоваться красотами не получилось. Как только автобус выехал из Бейрута, асфальтированная дорога закончилась, потянулись узкие каменистые серпантины. Заснуть и добавить ещё часок к своему отдыху тоже не вышло: трясло на каждом камне, а в окно выглядывать и вовсе было

страшно – от вихляющихся колёс до обрыва оставались считанные сантиметры. К тому же водитель включил на всю громкость какой-то концерт барабанной музыки. Чётки на зеркале подпрыгивали в такт ударам инструмента, а плечи ливанца дёргались под музыку, но руль из рук он, к счастью, не выпускал.

Парни стоически переносили все обстоятельства, не показывая тревоги, а девушки решили отвлечься разговорами. Дельфина рассказала подруге о своём странном сне и спросила, не помнит ли она, что такое Гевал.

– Нет, прости, Гевал не помню... Но вот эта ткань из которой у тебя было платье, по описанию – один в один виссон!

– Виссон? Ты уверена?

– Ну, в моде я разбираюсь. Даже в древней.

– И что ты ещё знаешь про этот виссон?

– Что он очень дорогой. В нём только самые знатные особы ходили: фараоны там, ценионы. И мумии в них заворачивали... А платье случайно не пурпурное было?

– Пурпурное! Как ты угадала?

– Это самое драгоценное сочетание! Чтобы сделать такой краситель, нужно было наловить тысячи моллюсков, или что-то около того! Короче, это просто мастхэв третьего века от Рождества Христова! А у тебя во сне губа не дура, я посмотрю! И куда это ты в таком наряде собиралась?

– Кажется, на свадьбу.

– На свадьбу? Такой сон, говорят, к жениху... – Лена завистливо сощурилась.

– Я в это не верю.

– Мне вот никогда такое не снилось. И жениха нет...

– Ничего, купишь туфли подешевле, и всё образуется, – улыбнулась Дель.

– Ой, достали все меня уже с этими туфлями. Я попробую поспать. Нужно восполнять потраченные часы, чтобы сохранить здоровый цвет лица.

Лена картинно прикрыла глаза, сделавшись похожей на Спящую красавицу. И, хотя цвет её лица и так уже был как у девушек с обложек глянцевого журналов, Дель решила не будить подругу. Она стала смотреть в окно, но теперь не под колёса, а вдаль. Там уже виднелась долина, окружённая горами со срезанными верхушками. Между ними лежал утренний туман, из которого то и дело выныривали, как драконьи спины, густые кроны деревьев или снежные пики. Автобус спускался по серпантину, и в один момент занырнул вглубь этого молочно-серого облака, скрывшись от восходящего солнца.

Сразу стало как-то мрачно. Водитель снизил скорость, видимость резко ухудшилась. Теперь они практически крались по горе, словно прячась от чего-то ужасного. Автобус задрожал, как будто охваченный страхом. Туман был настолько густым, что все видели, как он движется. Бело-серые потоки вихрились, разрезаемые лобовым стеклом, и обтекали автобус волнами, словно змеи. Противотуманные фары не могли прогнать их, и те обвивались вокруг двух лучей света, старательно пряча их под своими полупрозрачными телами.

Дельфине стало как-то не по себе, совсем как в доме у слепой гадалки. Она съёжилась, вжалась в сидение, стараясь не смотреть сквозь стекло. «Бейрут не хочет принимать тебя», – так ведь сказала та странная женщина? События прошедших дней крутились в памяти Дельфины, совсем как туманы за стеклом. Она вспомнила, что как только их самолёт преодолел границу Ливана, сразу попал в зону турбулентности – даже стюардессы в панике бегали по салону, пытаясь догнать сбежавший столик на колёсах. Трясло весь оставшийся путь, но пилоты чудом смогли обуздать летающую машину. Посадка, конечно, тоже была жёсткой – самолёт с высоты нескольких метров плюхнулся на шасси, чудом их не сломав и не процарапав стальное брюхо о взлётно-посадочную полосу.

Нет, глупости. Это просто абстрактное предсказание, под которое мозг сам пытается подгонять уже произошедшие события. Самолёт, проблемы с такси, сломавшийся кондиционер, отвратительный кофе, обморок... Чересчур их много, этих событий.

Автобус резко накренило куда-то влево, водитель выкрутил руль и вдавил в пол педаль газа. Послышались звуки пробуксовки, стук камней, летящих из-под колёс. Запахло жжёной резиной. Все спящие археологи проснулись, вцепились в подлокотники, кто-то вскрикивал от испуга.

“Right side! On the right side! All of you!”² – прокричал водитель.

Все вдруг разом поняли, что одно из задних колёс провалилось вниз и теперь тянуло за собой в пропасть весь автобус. Дельфина сидела на правой половине, и всё, что ей оставалось – это лишь прижаться из всей силы к холодному запотевшему стеклу. Лена обхватила её руками, остальные тоже перебежали к ним, стараясь быть как можно дальше от пропасти. Дельфину прижали к стеклу так, что она не могла и головы повернуть. Автобус уже не ехал, а только яростно буксовал, но волны тумана всё равно плыли вдоль стёкол. На миг Дельфине показалось, что они не бесконечны, а тянутся за чем-то, как туловище за головой. Эта голова с несколькими шипами на носу и на лбу, выпускала струи тумана из ноздрей, а в глазах крутились чёрные вихри.

«Пожалуйста, нет, – прошептала она про себя, даже не зная, к кому обращается, – Если ты хочешь прогнать меня, не нужно убивать остальных. Они ведь ни в чём не виноваты!..».

Миг – и колесо обрело твёрдую опору, автобус резко дёрнулся вперёд, раскидав сгрудившихся студентов в разные стороны. Наваждение за окном тоже исчезло.

“All right, all right! Take your seats, guys”³ – водитель выдохнул, вытирая пот со лба. Все осторожно расселись.

Остальная часть пути прошла без приключений. Туман стал развеиваться, и, когда автобус достиг места раскопок, в долине было светло и приятно. Воспоминания о недавнем происшествии забывались легко, будто были лишь нелепым утренним сновидением.

Уставшие в дороге студенты с радостью выпрыгнули из автобуса, чтобы размяться. Вокруг была ровная площадка, покрытая песком. Справа и слева виднелись горы, слабый ветерок приносил запах моря. Посреди этого скромного пейзажа стоял большой шатёр, напоминающий те, что ставили в походах турецкие султаны.

– О, похоже, там руководитель раскопок, – слышались голоса, – Вы тоже слышали, что он сумасшедший старик?

И, словно подтверждая все бестактно срифмованные поговорки, из шатра показался человек. Это был статный мужчина, на вид лет тридцати пяти. Только его пепельные волосы могли говорить о пережитом. Увидев его, Лена в одно мгновение загорелась, как лампочка: шёлковая рубашка с длинным рукавом, блестящие брюки из того же материала, золотые часы, инкрустированные бриллиантами, и перстни с драгоценными камнями, – всё говорило о его богатстве. Девушка тут же выбежала вперёд, взъерошила волосы и прогнулась в талии – студенты едва не изошли слюной, глядя на это зрелище, хоть и не предназначавшееся им. Даже девушки не могли оторвать от неё взгляда – настолько она была соблазнительна и прекрасна. Но руководитель раскопок прошёл мимо Лены, даже не задержав взгляда. Красавица осталась стоять в совершенной растерянности.

Небрежным жестом мужчина отпустил автобус и скрестил руки на груди, придирчиво и слегка недовольно оглядывая толпу приехавших студентов. Он скользил взглядом по их фигурам и вещам, не задерживаясь ни на ком. Но, когда дошёл до Дельфины, почему-то остановился и взглянул ей прямо в глаза.

² Право! Все направо! (англ.)

³ Всё хорошо, всё хорошо! Займите свои места, ребята (англ.)

На девушку словно вылили ведро ледяной воды. Она не ожидала такого и испугалась, что сделала что-то не так. Светлые карие глаза руководителя раскопок сверкали, как янтарь в солнечных лучах, и казались ещё одним драгоценным камнем в его дорогом образе. Один такой взгляд, по ощущениям, стоил как кольцо с бриллиантом – а Дельфине совершенно нечем было расплачиваться. Казалось, мужчина хочет что-то сказать – но спустя несколько секунд он всё-таки отвёл взгляд. Девушка с облегчением выдохнула.

– Вы все опоздали, – сурово сказал руководитель, и голос его звучал как меч, скользящий внутри ножен, – Я лишаю вас арбузного перерыва. И алкоголь я не жалую, поэтому перерыва на пиво тоже не будет. Если пропустите хоть одну песчинку – отправитесь домой без вознаграждения. Всем понятно?

Студенты молчали, потупив головы. Перерывы на пиво и арбузы – самые прекрасные вещи в работе археологов. Можно сказать, именно за ними многие и приехали в Ливан. Сложно было поверить в то, что придётся работать почти без продыху – студенты всё ещё надеялись, что руководитель шутит. Возразить что-то боялись – мужчина выглядел не только богатым, но и опасным, готовым перешагнуть любые границы.

– Вот и отлично, – заключил он, – Надеюсь, вы останетесь... останетесь такими же... понятливыми...

Он вдруг закашлялся. Это явно не был обычный кашель: приступ заставил его буквально согнуться напополам, руководитель едва не упал на колени. Он отвернулся от толпы, тяжело дыша, усилием выровнял дыхание и быстро зашагал в направлении своего шатра. Ещё секунда – и он скрылся за пологам алой бархатной ткани.

– Это что было вообще? – раздосадованно прошептала Лена.

– Он просто псих! – согласился Егор, – Разве можно заставлять нас пахать без перерывов? Мы ему что, рабы что ли?

– Да я не об этом! Как он мог пройти мимо меня? Как будто я пустое место!

– Это странно, – поддержал беседу Стас, – Может, он это... ну, не по девочкам?

– Глупости! – авторитетно заверила Лена, – Я точно вижу, что с этим у него всё в порядке! Но в чём-то определённо подвох. Я обязана это узнать это первой, как можно скорее!

– Да, только сначала надо бы поработать. Вы же слышали? – спокойно образумила всех Дельфина, уже уставшая от постоянных разговоров на повышенных тонах, – Давайте, разобьём тут всё на квадраты.

Четвёрка друзей принялась за дело первой – остальные ещё не пришли в себя после обращения руководителя. Условия, о которых предупреждали, оказались даже хуже сплетен.

– Между прочим, он вовсе не такой уж и старик, как говорили, – задумчиво прошептала Дельфина, углубляя в песок связанные ниткой колышки.

– Да ладно! – удивилась подруга, – Он же выглядит как папик, готовый вот-вот оставить наследство! И кашлял, как туберкулёзник! Ему явно недолго осталось! Ты его голову седую вообще видела? Или ты не туда смотрела, а, дорогая? Признавайся!

– Я видела его голову, – осуждающе ответила Дель, – Но дело ведь не в цвете волос. Их и покрасить можно. Взгляд у него совсем не стариковский, не потухший. Только уставший, но неистово жаждущий жить...

– И когда же ты успела всё это рассмотреть? – Лена как бы невзначай повернула колышек остриём в сторону подруги, – Шучу. Можешь делать всё, что угодно. Как бы то ни было, я всегда вне конкуренции.

Пока девушки мило беседовали, делая разметку, парни выбирали, кто за какой инструмент будет отвечать. В ряд были выставлены кайло, штык, заступ и совок. Егору не нравился ни один из вариантов.

– Что-то делать тебе всё равно придётся, – убеждал его Егор.

– Я мог бы и разметку делать. Это лучше, чем возиться в грязи, как свинья.

– Разметка – это для девчонок. Мы будем выполнять работу потяжелее. Или предлагаешь Дельфине кайло дать?

– Нет, – он цыкнул, – Ладно, давай вот этот, что ли.

Егор взял совок, слегка согнутый под углом. Наряженный в стильные вещи, с надетыми на все пальцы перстнями он смотрелся как эскортница со шваброй. Парни сзади засмеялись.

– Эй, придурки! – обернулся Егор, – Чего смешного? Замолчите! Быстро!

В него полетел комок песка – обычная шалость среди археологов. Но толстовки известных брендов никогда не терпели к себе такого отношения. Егор резко приблизился, сократив расстояние до бросавшего за пару шагов, и приставил к его шее рукоять, словно на ней был не совок, а острое копьё.

– Ещё звук, и сам ископаемым станешь, понял?

– Ладно, ладно, ты чего? На раскопках никогда не был?

Шумно выдохнув, Егор оставил несчастного и вернулся к Стасу. Тот потёр лоб и покачал головой.

– Так тебе точно не будет работать проще.

– А что я должен был делать? Как мне заставить их себя уважать?

– Ты же сам слышал – нам отменили пиво и арбузы. А у тебя денег, вроде, достаточно, – вот и закажи нам всем угощение для перерыва. Сразу увидишь, как отношение изменится.

Егор задумался.

– Точно, – парень достал телефон, и большой палец забегал по сенсорному экрану, – А ты соображаешь, Стасян!

– Ну так, а то! Обращайся!

Первыми приехали арбузы. К этому времени как раз была завершена разметка, и все в предвкушении сгрудились вокруг маленького столика, на котором Егор устроил импровизированную раздачу. Парень с серьёзным видом постучал по полосатым бочкам, выбрал самый спелый арбуз и вырезал большой кусочек из его середины. Его он гордо, на глазах у всех вручил Дельфине.

– Ты хорошо поработала, моя красавица.

– С ума сошёл? – ответила девушка, отодвигая угощение, – Давай, дели на всех поровну.

– И не подумаю. Мои арбузы – как хочу, так и делю.

– Если вы всё равно не собираетесь уступать друг другу, – встряла в разговор Лена, – давайте этот чудесный кусок мне. Пойду, угощу нашего старичка сладеньким.

Она облизнула губы, явно рассчитывая на что-то ещё, кроме сочного десерта. Не успел Егор опомниться, как девушка уже бежала с тарелкой к шатру, счастливо виляя бёдрами. Лишившись козыря, парень сразу же потерял интерес к арбузам и передал нож Стасу. Тот со знанием дела стал нарезать пропорциональные куски. Студенты выстроились в очередь вокруг стола. Они уже гораздо больше походили на археологов: лица слегка запачканы, рубашки расстёгнуты, а головы покрыты всем, что попало под руку. Дельфина встала в очередь вместе со всеми. Но не успела она и подойти к столу, как Лена выбежала из шатра, вся покрасневшая и взбешённая. Студенты ухмыльнулись.

– Что случилось? – спросила Дель, отводя подругу в сторону.

– Я просто... а он... псих!

Эмоции не позволяли Лене складывать слова в предложения, но её подруга уже догадалась, что произошло: в растрёпанных волосах красавицы висели кусочки арбуза. Дельфина принялась доставать их, попутно утешая её. Ничего не помогло – в итоге Лена всё-таки расплакалась.

– Да пошёл он! – жаловалась она сквозь слёзы, – Никто в меня отродясь ничем не кидал! Я что, всю эту красоту ради этого поддерживаю?

– Правильно, – соглашалась Дельфина, отряхивая расчёску от сладких кусочков, чтобы вновь запустить её в волосы, – Он же не один такой богатый. Найдёшь себе другого, доброго.

– В тысячу раз добрее! И в тысячу раз богаче!

– Даже не сомневаюсь!

Наконец, инцидент был исчерпан, а арбузы закончились. Ни Егор, ни Дель с Леной не съели ни кусочка. Зато Стас оторвался по полной, забрав себе все остатки, которые поровну уже не делились, и теперь поглаживал надувшееся пузо, как беременная на восьмом месяце. Лена поморщилась, увидев его довольное лицо. Парень не обратил на это никакого внимания и без всякого стеснения выудил из её причёски пропущенный Дельфиной кусочек и положил его себе в рот.

– Фу, Стас!

– Чего фу-то? Ты волосы моешь чаще, чем я – руки.

– Отличный повод задуматься, да? – парировала Лена.

– О чём? – не понял Стас.

Лена уточнять не стала. Все вернулись к работе. Следующим этапом нужно было сделать раскоп – углубить получившиеся квадраты и разравнять стенки заступом, чтобы хорошо были видны все слои. Этим занялась мужская часть экспедиции. Девушки же грузили землю на тачки, отвозили в сторону и пару раз проходились по каждой кучке металлоискателем на случай, если где-то внутри окажется важная находка. Пока ничего, кроме обронённых туристами монет и металлических частей зажигалок не обнаруживалось, но и надежд особых не было. Самое интересное обычно поджидает глубже.

Подготовка раскопа затянулась. Из-за плотного и неподатливого грунта одним штыком обойтись не получилось и пришлось подключать тех, кто отвечал за кайло. Парни покраснелись, мышцы на их руках надулись от прилива крови, на краях ям образовались кучки пропитанных потом повязок. Миновал обед – пока солнце стояло в зените, все прятались в тени автобуса, привезшего сытные бургеры с лимонадом – и все вернулись к работе. Только под конец дня, когда спала жара, подоспело заказанное Егором пиво. Неприметный холодный ящик притянул к себе заинтересованные взгляды ещё сильнее, чем арбузы.

– Пиво тоже старичку понесёшь? – поинтересовался у Лены Стас.

– Обойдётся, – обиженно буркнула она.

– И правильно. Ты лучше на простых парней посмотри, которые рядом.

– Простые меня не интересуют. Интересуют богатые.

– Почему?

– Потому что от них хоть какая-то польза... Ой, тебе не понять, – Лена махнула рукой и потянулась за холодной баночкой.

Взять, однако, она ничего не успела. Вся группа как-то притихла, и Лена повернула голову, чтобы определить причину внезапного падения энтузиазма. Она была веской: у раскопа стоял седой руководитель, и повторное нарушение правил ему явно не нравилось. Дельфине даже показалось, что от него шёл пар – настолько он был зол. Янтарные глаза светились от ярости в подбирившихся вечерних сумерках.

– Что я говорил насчёт алкоголя?

Сталь голоса теперь резала не ножны, а души слушателей. Половина группы вжалась в плечи, остальные только стояли, потупившись. Никто не отвечал.

– Кто заказал пиво?

Все молчали. Четвёрка мысленно порадовалась за группу: сразу чувствуется, что студенты умеют ценить доброту и быть благодарными. Ни один из них даже не посмотрел в сторону Егора. И это обстоятельство как будто понравилось даже руководителю.

– Хорошо, – его голос чуть смягчился, – А кто хочет двойное вознаграждение за сегодня?

Один парень нерешительно поднял голову. Все испуганно уставились на него. Нужно быть смелым, чтобы согласиться на предложение, в котором явно есть какой-то подвох. Или совсем отчаянно нуждаться в деньгах. Сейчас было, судя по всему, второе – поднявший голову студент стоял в мешковатой одежде, явно с плеча брата или отца, а волосы его так долго не были стрижены, что уже собирались в длинный хвост, перехваченный канцелярской резинкой.

– М-м-м, великолепно, – процедил мужчина, – Как тебя зовут?

– И-игорь, – заикался тот.

– Игорь... Хорошо, Игорь. Я заплачу тебе вдвое больше. А теперь возьми этот ящик и подними над головой.

Парень повиновался. Его худые ручки с трудом удерживали ящик, но Игорь напрягал все силы, чтобы его не уронить. Он впился взглядом в руководителя, ожидая дальнейших указаний, но их не последовало. Мужчина просто стоял и смотрел на парня, ожидая очевидного итога его заведомо проигрышной борьбы. Руки у студента дрожали. Синие вены, и так торчащие сквозь кожу, надулись и выступили ещё сильнее. Лицо покраснело, на лбу выступила испарина.

Руководитель раскопок не испытывал от этого зрелища удовольствия. Это был явно воспитательный момент – тяжёлый, но необходимый. Современные студенты не отличаются прилежностью – дай им волю, и они будут без зазрения совести спать на парах. Только авторитет преподавателя обычно и может пробудить их стремление к знаниям.

Игорь был уже на последнем издыхании – вместе с каждым выдохом из его груди вырвались стоны. Послышался звон – это руки задрожали так сильно, что бутылки стали ходить ходуном.

– Хватит! Перестаньте! – вдруг вырвалось у Дельфины, – Вы же видите, что ему тяжело!

Мужчина посмотрел на неё – строго и удивлённо. Он уже открыл было рот, чтобы что-то сказать парню, как тот не выдержал – ящик упал, послышался звук битого стекла, пиво потекло на песок. Руководитель раскопок едва заметно поднял бровь, закатил глаза, разочарованно развернулся и удалился к себе. Больше до конца работы его не видели. Через пару часов за группой приехал автобус, и уставших археологов отвезли обратно в Бейрут.

Впечатления после первого рабочего дня были не самыми лучшими, поэтому выходили из автобуса всё ещё молча и с кислыми выражениями на лицах. Перед тем, как разойтись, бывалые студенты решили сделать объявление.

– Новички, а ну, отставить плесневелое настроение! – крикнул один из них, – Поднимите-ка руки, кто в первый раз на настоящих раскопках?

Друзья подняли руки. К ним присоединились ещё человек десять.

– А почему так нерешительно? Смелее, смелее, – подбадривал старший, – У вас сегодня будет праздник, который запомнится на всю жизнь – посвящение в археологи!

– И что на нём будет? – уныло спросила Лена.

– А это большой-большой сюрприз! Главное, наденьте купальники и возьмите с собой полотенца. Общий сбор – в полночь у моря, точные координаты я скину в общий чат! Всем до встречи.

Лена закатила глаза.

– Только этого сегодня ещё не хватало.

– Я думала, ты любишь вечеринки, – поспешила поддержать идею Дельфина.

– Я люблю вечеринки с богатыми мальчиками, Дель. А не картонную самодеятельность.

– Да ладно вам, будет круто! – вмешался Стас, – Мне друг рассказывал, что это было самое запоминающееся событие за всё время раскопок.

– А что конкретно было?

– Этого он не рассказывал...

– Я тоже за то, чтобы пойти, – томно проговорил Егор, закидывая руку Дельфине на шею,
– Ночь, море, мы в купальниках...

– Руку убери.

Парень нехотя выполнил просьбу.

Несмотря на некоторые разногласия, сейчас все сошлись в одном: перед посвящением нужно поспать хотя бы пару часов. Работа под палящим солнцем сильно утомляла, особенно после предыдущей ночи. Если бы не Лена, парни бы даже умыться не стали – выполнив эту нехитрую обязанность, друзья легли и уснули почти мгновенно.

– Садитесь, госпожа, я приведу вас в порядок, – служанка улыбнулась, подводя Дельфину к мягким перинам около туалетного столика.

Та повиновалась. Служанка взяла резную металлическую баночку и пушистую кисть. Внутри ёмкости обнаружилась белая пудра, тут же заполонившая всё пространство так, что у обеих зачесались носы. Тщательно скрыв загар госпожи, служанка взяла баночку поменьше. В ней находилось что-то вязкое, напоминающее чернила. Ими она стала аккуратно очерчивать глаза на манер древнеегипетских макияжей.

– Ты сказала, я буду невестой? – вспомнила девушка.

– Да, – озабоченно подтвердила та, не отвлекаясь от своего занятия, – Вы ведь оставили свои капризы? Не будете больше драться и прятаться?

По телу пробежала дрожь. Пусть это сон, но он совсем не кажется менее реальным. Тревога трепетала внутри, как соловей в золотой клетке. Дельфина поняла, что больше притворяться нельзя: необходимо срочно выяснить, в чём тут дело, и от чего ей придётся прятаться. Насчёт драк девушка даже не думала – искусство подобного рода самозащиты всегда было ей неподвластно.

– Слушай, эта ночь... – начала Дельфина, так и не придумав себе стоящего оправдания,
– Я так заспалась, что забыла всё на свете. Напомни, как тебя зовут?

– Я Макпал, госпожа. Раньше с вами такого не случалось!

– Перед свадьбой и не такое бывает! А за кого я замуж выхожу?

– За римлянина! – мечтательно сказала Макпал, – Ах, мужчина мечты! Я вам даже завидую, хоть и понимаю, что я ему не ровня.

– Так уж мечты? Зачем же мне тогда было драться?

– Не знаю. У нас на женской половине говорят, что вы просто сумасшедшая. Когда сваталось это чудовище, весь Гевал плакал, а у вас с губ улыбка не сходила. А как доблестный римлянин стал вашим женихом, так вы сразу чувств лишились!

– Подожди, Макпал... Чудовище? Что ты имеешь в виду?

– Ровно то, что говорю! А говорю я про него, упаси нас Баал, – тут она понизила голос, – про дракона!

Слова Макпал сверкнули неожиданно и страшно, как молния во время грозы. Дельфина проснулась от сильного испуга, подскочив на кровати. Рядом сладко спала Лена, за перегородкой сопели парни. Девушка протёрла глаза и включила телефон, чтобы посмотреть, который час – до посвящения оставалось всего тридцать минут. Даже четыре будильника не смогли их разбудить – вот, что значит, ударно потрудились...

Дельфина разбудила Лену, потом накинула халат и отправилась расталкивать парней. Просыпаясь, все недоумевали, как они могли проспать вчетвером – телефоны сообщали, что дали сигнал вовремя. Пока все четверо приводили себя в порядок и искали купальные принадлежности, в общем чате звякнуло уведомление с координатами. Старшие постарались, чтобы добираться было недалеко: небольшая бухта в северной части Бейрута уже ждала их на загадочное посвящение.

– Наконец-то увидим море! – мечтательно проговорила подобревшая после сна Лена, – Какое оно, Егор?

Все вопросительно и внимательно посмотрели на своего богатого друга. Для него это было как сметана для кота – Егор медленно, растягивая удовольствие, начал красочное описание.

– Я бывал на разных морях. Взять, к примеру, Красное. Там круто то, что в воде водится много разной живности. Можно нырнуть с аквалангом и рассматривать их, пока не кончится кислород – если, конечно, можешь себе это позволить. Вода прозрачная, чистая, и сквозь неё отлично видны все краски: розовые, синие, красные, белые, зелёные...

– Акваланг нам вряд ли дадут, – справедливо заключил Стас, – Снаружи-то, снаружи море какое? По сравнению с озером?

– С озером сравнивать глупо, – слегка надменно ответил Егор, рассердившись, что его монолог прервали, – Море пахнет по-особому. Солью, водорослями, свежестью...

– Как сегодня в долине Бекаа! – поняла Дельфина.

– Вообще нет, – нахмурился парень, – Долина далеко от моря. Кроме как цветами, дешёвыми шмотками и песком там ничем не пахло...

Остальные закивали. Дельфина пожала плечами. В тумане вчера ей и вовсе мерещился дракон – ничего удивительного, что почудился и запах моря. Аромат, которого она прежде никогда не ощущала...

– Так вот, – продолжал парень, – Морской ветер тоже особый. Сильный. Свободный. Особенно круто, когда он нагоняет шторм, и волны поднимаются высотой с двухэтажные коттеджи – знаете, как у нас с родителями. Купаться в это время нельзя, но вот смотреть – просто кайф!

– Неужели ни капли не страшно? – удивилась Дельфина, – В такой шторм ведь гибнут люди. Только представлю, что какой-нибудь бедный рыбак вышел в море на своей лодке и попал в такой шторм – сразу мурашки...

– Погоду надо смотреть, прежде чем отплывать, – отмахнулся Егор, – Зато силища какая! Мощь!

– Не хочу отвлекать, но если мы сейчас не выйдем, то так и не станем настоящими археологами, – вовремя напомнил Стас, – Давайте, чтобы нас там не ждало, на берегах этой мощи и силища – мы справимся! Я в нас верю!

Четвёрка выдвинулась на точку назначения, непринуждённо болтая. Разговор про море продолжился. Распространялся, в основном, Егор – по пути он успел рассказать про лучшие курорты, на которых успел побывать. Все слушали его с интересом и задавали вопросы, даже Дельфина. Это был один из тех редких моментов, когда парень восхищался хоть чем-то, кроме самого себя. Конечно, он не стал нравиться ей больше, но девушка задумалась, что, быть может, Егор ещё не совсем безнадёжен.

Во время рассказа о плавании со скатом он развёл руки в стороны, описывая размах крыльев этой подводной птицы, и Дель увидела, что его пальцы перепачканы чем-то тёмным.

– Что у тебя с руками?

– А, это, – он натянул рукава вниз, – Ты оказалась права. Лопата и кольца несовместимы.

– Подожди... То есть ты предпочёл натереть кровавые мозоли вместо того, чтобы снять свои драгоценные печатки?

– В точку! – он выдавил из себя смешок, – Я же образец стиля, и должен оставаться им, несмотря на обстоятельства.

– Это не образец стиля, это чванство, Егор.

– Тс-с-с, нет, – Егор поднёс палец к губам и тут же спрятал его, опомнившись, – Давай забудем последнюю фразу и вернёмся к моменту, где ты заботишься о моих пальчиках.

Дельфина отошла от него на пару шагов левее. Лена покачала головой.

– Если будешь вести себя, как нарцисс, тебе точно ничего не светит, – намекнула красавица.

– И что же мне делать, по-твоему?

– Стать для неё настоящим мужчиной. Серьёзным, сильным, справедливым, способным принимать решения. Быть уверенным в себе, но не заносчивым. Внимательно ухаживать, но не докучать, не перегибать палку. Быть нежным...

– Стой, стой! Я же столько всего не запомню! Давай попроще!

– Ладно уж, так и быть. Устала уже смотреть на то, как ты упорно бодаешь стену головой, когда рядом есть дверной проём! Слушай. Её любимый цвет – голубой. Она пьёт капучино с двумя ложечками сахара. Из всех ягод предпочитает клубнику, а из десертов – клубничный тирамису. Если даришь цветы, не бери розы, только лилии или орхидеи. Рюкзак у неё тяжеленный, хотя она в этом никогда не признается, так что...

– Эй! – перебила Дельфина подругу, – Я вообще-то здесь!

– Я же помочь пытаюсь!

– Егору, не мне!

– Так он хотя бы будет тебе полезен, дорогая!

– Не нужна мне такая польза!

Лена вздохнула и многозначительно посмотрела на Егора.

– Ты слышал. Дальше сам.

– Понял.

– А для себя ты как видишь настоящего мужчину? – вмешался Стас.

– С деньгами, милый, с деньгами.

На этом разговор стих: на горизонте забрезжил пляж. Хотя фонари закончились в нескольких сотнях метров от берега, у воды горели факелы, освещая дорогу, ведущую куда-то вдаль. Около неё уже стояли студенты в купальниках и с полотенцами на плечах, а перед ними – облачённые в простыни наподобие римских тог старшекурсники. На головах у патрициев удерживали волосы венки из лавровых листьев, покрашенных золотым акрилом и закреплённых на металлическую проволоку. Вполне приличная стилизация для ночной вечеринки, если не считать кроссовок, слишком часто мелькающих под простынями.

На фоне патрициев новички в купальниках выглядели самыми настоящими плебеями. Как и на любом посвящении, им предстояло пройти ещё немало испытаний, чтобы вступить в ряды археологов. Пересчитав собравшихся, старшекурсники приступили к оглашению списка заданий.

– Граждане, собравшиеся на агоре, смотрите и слушайте! Сегодня Зевс милосерден к нашим рабам, – начал самый высокий и полный из патрициев, обводя руками собравшихся, – Громовержец даёт им шанс обрести голос, которого они лишены...

– С этой минуты говорить нельзя, все поняли? – уточнил на всякий случай второй старшекурсник, – Кто произнесёт хоть звук, посвящение не пройдёт!

Новички испуганно переглянулись, и только Дельфина вздохнула с облегчением – она любила покой и порядком подустала от двусмысленных намёков Егора. Происходящее нравилось ей всё больше, если забыть о странных продолжающихся снах.

– Путь к археологическому Олимпу будет труден и полон опасностей! – радостно продолжили старшекурсники, – Вам придётся начать со старта, с эпохи, в которую жили приматы. До того, как обрести прямохождение, всё, что они могли – это прыгать с ветки на ветку. Ваши деревья впереди: ступайте на тропу и помните, что касаться ногами песка строго запрещено!

На дороге, уставленной с обеих сторон факелами, и правда, в хаотичном порядке лежали брёвна. Расстояние между ними было не то, чтобы непреодолимое, но достаточно большое, чтобы тысячу раз подумать перед прыжком. Пришлось подключать голову и смотреть наперёд, просчитывая лучший путь.

Кто-то из студентов, однако, решил действовать наобум. Один каким-то чудом сумел проскочить все препятствия, а вот у второго ноги оказались короче, и он на втором же прыжке приземлился в песок, сделав в нём глубокую яму.

– Придётся возвращаться на старт. Эволюция зашла в тупик! – покачали головами патриции и под руки отвели провинившегося назад.

Из четвёрки самым смелым оказался Стас. Лена предусмотрительно ткнула его в бок и приложила ладони друг к другу, прося помощи. Парень покачал головой, но отказывать не стал: после каждого прыжка оглядывался и протягивал руку. Красавица следовала за ним, грациозно балансируя на брёвнах и отвлекая всех, кто преодолевал препятствие следом. Предполагая, что Егор захочет последовать примеру друзей, Дель поспешила его опередить, чтобы сделать всё самостоятельно – с некоторым трудом, но ей это удалось. Егор тщетно не отрывал от неё взгляда в надежде, что подруга обернётся и поманит его за собой, протянув руку. Тем не менее, он не отстал от друзей ни на шаг.

Удача оставила Дельфину – следующее испытание патриции наказали проходить в парах. На земле лежали параллельно две палки-копалки – яркий символ эволюции приматов. Между ними было чуть больше метра, и двум студентам необходимо было встать по разные стороны, вытянуть руки, опереться ими на плечи друга и двигаться боком вдоль палок. Лишённая голоса, Дель уже не смогла выпутаться из рук Егора, и в итоге они оказались на этом испытании вместе.

Делать нечего – ей пришлось опереться на плечи парня. Им двоим едва хватало роста, чтобы стоять на цыпочках и медленно двигаться вперёд. Поначалу всё шло хорошо: медленно, но верно пара двигалась в нужном направлении. Босые ноги шагали по тёплому песку, ещё не успевшему остыть после дневного жара. Но вскоре они заметили, что палки вовсе не параллельны, и их концы всё дальше расходятся друг от друга, увеличивая расстояние. Чтобы не потерять равновесия, пришлось согнуть руки в локтях, их лица оказались совсем близко. Они уже чувствовали дыхание друг друга. От Егора приятно пахло сандалом, благородным деревом и дорогой кожей. Похоже, он не расставался не только с перстнями, но и с любимым одеколоном. Дель уставилась в землю, чтобы случайно не встретиться с ним глазами.

– Посмотри на меня, – шепнул парень, надеясь, что патриции его не услышат.

– Ещё чего, – тихо ответила Дель.

– Ладно. Можешь не смотреть, – проговорил Егор и сделал то, чего девушка опасалась больше всего – прикоснулся губами к её губам.

Всё произошло так быстро, что даже наблюдательные студенты не успели ничего заметить. Зато Дельфина пережила эту секунду крайне тяжело: до этого приятный аромат сандала превратился на её губах во что-то горькое, практически ядовитое. Руки похолодели и вспотели, её начало мутить, как от столовой ложки рыбьего жира. Она закашлялась. Последний шаг вдоль палок Дель сделать так и не смогла – ноги подкашивались, и парень буквально вынес её за границы препятствия.

– Что случилось? Тебе нехорошо? – забеспокоился Егор, и тут же попался под цепкий взгляд высокого старшекурсника.

– Так-так, какой-то примат заговорил! – с ликованием возвестил он, – Прошу в начало!

– Вы что, не видите – девушке плохо!

– С этим мы сами разберёмся. Иди к старту, презренный раб, пока Зевс не лишил тебя шанса взойти на Олимп!

– Уж разберитесь! – обиженно бросил Егор и удалился.

Старшекурсник сочувственно посмотрел на смертельно бледную Дельфину, всё ещё нетвёрдо стоящую на ногах.

– Пойдём, присядем, – он отвёл её на пару метров от дорожки с факелами и усадил на песок, примостившись рядом, – Этот тип тебе прохождению не даёт, я посмотрю?

– Не то слово, – выдавила Дель.

– Не волнуйся, мы устроим, чтобы на этом посвящении он к тебе и близко не подобрался.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо. Ты сегодня за Игоря заступилась – это было смело. Мы уж думали, Балаурыч тебя живьём съест.

– Ба... Балаурыч?

– Ну, Эврен Балаурович. Руководитель раскопок.

– Эврен. Красиво... Значит, так его зовут. Он не представился.

– Да, он немного странный. Но нормальный мужик, на самом деле. Платит хорошо. Наказывает только по справедливости... Человек жёстких правил, в общем. Поэтому его и недолюбливают.

– Это я заметила.

Студент усмехнулся. Улыбка сделала его щекастое лицо похожим на мордочку медведя из мультфильмов.

– У вас водички не найдётся? – спросила Дель, всё ещё ощущавшая горечь на губах.

– Водички нет. Но вот это подойдёт.

Старшекурсник извлёк из складок тоги бутылочку от питьевого йогурта. Когда Дель открыла крышку, в нос ударил резкий аромат алкоголя.

– То, что тебе сейчас нужно, уж поверь.

Вздыхнув, она сделала небольшой глоток. Горло обожгло, но крепость напитка по сравнению со следами поцелуя показалась божественным нектаром.

– Благодарю за чудесное спасение.

– Не за что, – улыбнулся толстяк, пряча бутылку обратно, – Готова вернуться на тропу приключений?

Дель кивнула.

Стас и Лена были уже далеко впереди. Дельфине пришлось справляться одной, но это обстоятельство даже радовало её: последнее время редко удавалось побыть в одиночестве, но именно оно было необходимо, как воздух. За палкой-копалкой следовало колесо – точнее, моноцикл, на котором нужно было проехать пару метров. Несмотря на небольшую дозу спиртного, вестибулярный аппарат девушке не отказал, и с испытанием она справилась на ура. Далее следовала дорожка из покатых камней, задание вытащить из песка самый длинный меч и, наконец, преодоление небольшого участка по воде – видимо, в честь Великих географических открытий. Маленький кораблик, на котором пришлось плыть, кстати, имел секретный люк, содержащий в себе ещё несколько бутылочек из-под йогурта – обнаружив их, Дельфина оставила сокровище лежать там же, где оно и было.

Эволюционировав и получив от великодушных патрициев возможность говорить, она вышла к большой круглой площадке, окружённой факелами. В центре неё сидел руководитель раскопок. Дельфина сразу узнала его, несмотря на специфическое облачение: чёрная туника в пол, спадающая с одного плеча и закреплённая золотой пряжкой, алый плащ и венок из драгоценного металла, ярко поблёскивающий в свете огней. Обнажённое плечо лоснилось пламенем, словно действительно было сделано из золота. Эврен восседал на бархатном троне, увитом настоящими виноградными лозами, но ни на Диониса, ни на самого Зевса не был похож ни капли.

– Знаешь ли ты, кто я? – строго спросил он, когда Дель вошла в круг факелов.

– А виноград настоящий? Или искусственный? – неожиданно для себя выпалила девушка.

– Зачем тебе это?

– Чёрная туника навевает мысли об Аиде. Но если бы вы действительно были им, наверное, виноград бы уже превратился в изюм.

– И остался бы свежим и сочным, если бы при этом ты была Персефоной, – он выдержал паузу.

Дельфине эта фраза показалась странной. Она осмотрелась: вдалеке стояли студенты, прошедшие последнее испытание – это несколько обнадеживало. Все они, не отрываясь, глядели на девушку, как немые души подземного царства. Однако эти аналогии оказались несостоятельны и совсем не перекликались со сценарием.

– Как тебя зовут? – продолжил руководитель.

– Дельфина.

Имя привело его в замешательство: янтарные глаза загорелись ярко, как у кота тёмной ночью. Если бы не горячительный напиток, девушка решила бы, что сходит с ума, – настолько неестественно это выглядело. Но Эврен быстро взял себя в руки.

– Я предсказываю будущее, Дельфина. Определяю, станешь ли ты настоящим археологом, достойна ли ты этого звания. И я... чудовище.

Душа съёжилась и рухнула куда-то вниз. Если руководитель был в образе, то он играл очень убедительно. Чудовищно убедительно. В окружении факелов, отгоняющих смоляную тьму ливанской ночи, у Дельфины не было ни шанса ему не поверить. Остальные студенты, похоже, испытывали то же самое: они смотрели на девушку, затаив дыхание. Дель вдруг заметила, что их гораздо меньше, чем должно быть. Видимо, последнее испытание прошли не все.

– Думаю, вы Пифон. Змей-прорицатель.

– Ты очень умная девушка, Дельфина, – вкрадчиво сказал Эврен, – Скажи мне, почему ты достойна стать археологом?

– Потому что я хочу сохранять память о прошлом, – ответить на этот вопрос Дельфине было легко, потому что профессию она выбирала осознанно, хоть и под влиянием ранней смерти родителей, – Мне кажется, это самое важное и ценное, что у нас есть... или, скорее, что мы пытаемся отыскать.

Пифон отвернулся в сторону моря. Освежающий бриз лишь слегка взъерошивал волосы, и волны ласково гладили берег, шепча ему что-то на своём древнем языке. Стояла какая-то особая, благословенная тишина, нарушаемая лишь треском факелов и шумом моря. Дельфину всегда поражали вещи, остающиеся неизменными на протяжении всего времени существования мира: вода, огонь, ветер, камни. Они сохраняли в первозданном виде свою сущность, в отличие от человека, на их фоне совершенно заблудившегося и потерянного. Видеть движение волн, слышать шум ветра, просеивать песок сквозь пальцы – всё это казалось девушке необычайным даром и возможностью найти каплю вечности внутри себя... Никто не разделял её чувств и мыслей. Для остальных вода была просто водой, в которой можно ополоснуть кроссовки, а огонь – обычным огнём, на котором жарят куриные крылышки в маринаде. Прометей был так жестоко наказан лишь потому, что подарил людям вечность. Но они не поняли его, они превратили дар божий в сушилку для нижнего белья, в грелку для застывшего холодцом бульона. И жертва его оказалась напрасной...

Пока Дель размышляла об этом, она даже не заметила, что пауза вновь затянулась.

– Так что вы решили? Я прошла испытание?

– Что? – нахмурился Пифон; он явно был недоволен, что раздумья оказались прерваны, но всё же смягчился, – Да. Можешь проходить.

От сердца отлегло. Дельфина вынырнула из полыхающего жаром круга в прохладу ливанской ночи, в объятия к подруге. Лена была искренне рада, что они обе прошли испытание. Стас тоже стоял рядом и улыбался.

– Поздравляю, дорогая! Я бы спросила, где Егор, но, кажется, не стоит...

– Не стоит. Лучше расскажи, как у вас всё прошло?

– Знаешь, довольно легко. У Стаса же в голове куча математических вычислений происходит, вот они нам очень помогли. А в конце я сказала, что хочу найти клад и заработать кучу денег!

– И он тебя пропустил?

– Ага. С презрением, конечно, но мне его чувства как-то не сдались.

– А я сказал, что хочу бороться с альтернативщиками, – добавил Стас, – Это которые постоянно пытаются приплести инопланетян к постройке египетских пирамид и тому подобное. Он даже хотел мне руку за это пожать!

– Но не пожал же, – подзадорила его Лена.

– Но хотел! Я видел это на его лице!

– Не придумывай!

Они спорили как всегда, но на лицах у обоих сияли улыбки. Дель решила не мешать им дурачиться и отошла. В этот момент в круг факелов ступил Егор. Вид у него был замученный: он и в обычные дни не любил выполнять чужие указания, а сегодня патриции и вовсе проявили к нему особое внимание. Взгляд парня резко перебежал от факела к факелу и недвусмысленно показывал, что он очень хочет вырвать их все, сломать пополам и выкинуть в море.

– Окей, что вы ещё придумали? – спросил он с вызовом, держа руки в карманах.

– Как ты смеешь говорить со мной таким тоном, смертный? Я Пифон, и лишь я решаю, достоин ли ты завершить посвящение.

Егор фыркнул.

– Скажи мне, как тебя зовут?

– Ну, Егор.

Руководитель слегка поморщился.

– А полное имя – Георгий?

– Нет, полное имя – Егор. Таким и остаётся. Может, оно и произошло когда-то от «Георгия», но сейчас это уже два разных имени. На филфаке меня вечно донимают этим вопросом!

– Скажи, – прервал его руководитель, желая закончить разговор поскорее, – Почему ты достоин стать археологом?

«Заметили? Он у него одного имя не повторил», – шепнул утомившийся Стас. «У меня сказал», – послышалось от группки студентов неподалёку, – «У меня тоже!».

– Потому что моя невеста – археолог, – громко заявил Егор, – Я приехал сюда ради неё. И, если понадобится, я куплю ей любой кусок земли, на котором она захочет копать, стану руководителем раскопок, и никто больше не будет задавать мне вопросы, чего я достоин и как мне следует называться.

– Даже так, – в спокойном голосе руководителя был лёд, но в глазах пылало пламя, – И как же зовут твою невесту?

– Дельфина. Вы наверняка её запомнили – это самая красивая девушка в группе.

Студенты посмотрели на Лену – та отчаянно замотала головой и указала пальцем на подругу. Дель вздохнула.

– Почему он всегда так себя ведёт?

– Потому что он без ума от тебя, дорогая. А ты не отвечаешь взаимностью, – объяснила Лена, не понимая, как можно упускать очевидное.

– Но таким отвратительным поведением он точно ничего не добьётся.

– Добьётся. Так или иначе. Не в его характере бросать то, что не получилось с первого раза. Егор всегда получает своё. А ты могла бы получить при этом своё, если бы была поумнее.

– Опять предлагаешь выставить за себя цену?

– Цена всегда есть, Дельфинчик. Просто не всегда её можно выразить в деньгах. И в твоих интересах суметь конвертировать эту валюту в рубли. Или в доллары, если угодно. Потому что в противном случае ты не получишь ничего и останешься с разбитым сердцем.

Тем временем Егор всё ещё стоял в круге, вальяжно ковыряя ногой песок. Руководителя прошедшим испытания не было видно – трон стоял к ним спиной, и только напряжённые пальцы, обхватившие подлокотники говорили о том, что он в гневе. Вдруг факелы дрогнули, как от резкого порыва ветра, и погасли все до единого.

– Ты не достоин. Уходи!

Это услышали студенты и все прочие, гулявшие по Бейруту в нескольких километрах от берега. Стая чаек поднялась в небо и заметалась как-то хаотично, словно потеряв ориентацию в пространстве. Проснулся, уронив чашку со стола, смотритель маяка в бухте. На корабле с туристами, неспешно огибающем восточный берег Кипра, сработала пожарная сигнализация.

В полной тьме началась паника. «Теракт! Это бомба!» – крикнул кто-то, и студенты с визгом побежали кто куда, толкаясь и сбивая друг друга с ног. Песок летел из-под ног, попадая в глаза и в нос, люди падали и снова вставали, чтобы побыстрее покинуть берег. Только Дельфина замерла от страха, как вкопанная. Она смотрела туда, где только что был круг из факелов. В общей какофонии послышался громкий, надрывный кашель, и девушка узнала его – точно так же кашлял Эврен в первый день раскопок, когда Лена назвала его «туберкулёзником». Егора нигде не было видно, но большой трон в темноте всё же можно было различить. Приблизившись, Дельфина рассмотрела, что руководитель, заходясь в кашле, сполз на песок, через силу поднялся и, спотыкаясь, побежал к морю. Он упал в пенящиеся волны и исчез, слившись с чёрной, как нефть, водой.

Тут же послышался громкий стон – это был Егор, и, похоже, ему было очень плохо. Дельфина побежала на звук. Глаза уже почти привыкли к темноте, но она всё равно чуть не споткнулась о тело парня – он лежал на песке, обхватив голову двумя руками.

– Егор, что с тобой? Что случилось? – Дельфина села на песок и попыталась его приподнять.

– Голова... Моя голова... – стонал он, кажется, ничего не слыша.

У Дельфины и самой ещё звенело в ушах. Неудивительно, после такого взрыва: что же это было? И где была заложена бомба? Неужели в троне? Или в песке...

Внезапно рука нащупала что-то влажное. Девушка инстинктивно поднесла руку к лицу, чтобы рассмотреть, и в нос ударил резкий запах железа. Это была кровь. Егор лежал в луже, и всё его лицо тоже было липким и влажным. Он всё ещё стонал и шептал что-то, сминая окровавленными руками уже перепачканные волосы.

Отчего-то стало светлеть: краем глаза Дель увидела, что трон загорелся и начал потрескивать, всё больше и больше поглощаемый пламенем. К счастью, стоял он в песке, и рядом не было ничего, что могло бы представлять пожарную опасность, поэтому девушка осталась рядом с Егором, судорожно соображая, что может предпринять. В одном купальнике, без телефона она была совсем беспомощной.

Вовремя подоспел Стас: он уже увёл Лену подальше от берега и вернулся, надеясь отыскать друзей. Увидев Егора, он побежал по пляжу, чтобы выцепить из толпы патриция, запутавшегося в своей тоге и потому не сумевшего убежать далеко. К тому же, старшекурсник уже был навеселе, и ноги слушались его с переменным успехом.

– Телефон! У тебя есть телефон?

– Есть... А зачем?..

– Нужно срочно вызвать скорую! Давай сюда!

– Я сам... Я старший...

Пьяный патриций стал целиться в сенсорные клавиши, пытаясь набрать ноль три. Но пальцы слушались его ещё хуже, чем ноги.

Егор закричал, скрючившись, как эмбрион. В его трясущихся руках остались пряди кудрявых волос, вырванных с корнем от боли. Стас выхватил телефон у плохо соображавшего студента и толкнул его – тот грузно осел на песок.

– Идиот... – прошептал парень, быстро набирая 140 – номер скорой помощи в Ливане. Хорошо, что он заранее изучил этот вопрос, в отличие от остальных...

Скорая приехала быстро – на ломаном английском Стас объяснил им всё, что мог, несколько раз упомянув о состоятельности пациента, и Егора увезли, погрузив на носилки. Друг поехал вместе с ним. Подоспевшие вместе со скорой полицейские обыскали берег и, не обнаружив ничего, кроме спрятанных в песке бутылок из-под йогурта, уехали обратно в участок.

Берег опустел. Трон полыхал, как прощальный костёр в лагере, и Дельфина сидела, подбравшись к нему поближе – наступила глубокая ночь, температура упала, и стало ощутимо прохладнее. Девушке требовалось прийти в себя прежде, чем возвращаться в гостиницу. Одна мысль о душных стенах и нравоучениях подруги была ей сейчас невыносима.

Послышался всплеск воды. На берег вышел, капая морской водой, Эврен. Мокрую чёрную туннику, неприятно липшую к телу, он тут же снял, накинув её на плечи, как полотенце. Под ней оказались вполне современные шорты, несколько не пострадавшие от соли и влаги. Откинув назад пепельные волосы, изрядно потемневшие от воды, он заметил Дельфину.

Девушка смотрела на него безучастно. На её руки, испачканные в крови Егора, налип песок, но она не замечала этого. Прохладный ветер раздувал её локоны, и они трепетали, подобно языкам пламени, касаясь покрытой мурашками кожи. Эврен подошёл к ней, осторожно коснувшись предплечья.

– У тебя руки испачкались. Пойдём, смоём всё.

Она молча подчинилась. Руководитель подвёл её к кромке в воды, усадил на песок и стал набирать в ладони воду и выливать её на руки Дельфины, бережно их очищая. Сама она всё ещё была в шоке, и потому плохо соображала, что следует делать. Ладони Эврена были тёплыми и мягкими. Почувствовав это, девушка вдруг поняла, что замёрзла.

– Х-холодно, – дрожащим голосом произнесла она.

Эврен удивлённо взглянул на неё, словно не понимал, отчего та замёрзла. Сам он будто и не ощущал холода, несмотря на то, что только что вышел из воды. Увидев покрытую мурашками кожу Дельфины, Эврен поднялся на ноги. Немного подумав, обогнул трон, скрывшись за языками пламени, и вышел с другой стороны спустя минуту. Дель ощутила, как на её плечи легла чёрная шёлковая накидка, совершенно сухая и тёплая.

– Как быстро высохла... Вы же только что...

– Таковы свойства натурального шёлка. А ещё он отлично приспосабливается к температуре тела. Если тебе жарко – охлаждает, если холодно – согревает.

– Спасибо.

Они немного помолчали, но вскоре Эврен вновь прервал паузу.

– Переживаешь за своего жениха? Взрыв был сильный, но с ним-то уж точно всё будет в порядке.

– Он мне не жених.

– Вот как?

– Он получил согласие не у меня, а только у моих родителей. Приёмных.

– Ты сирота?

– Да. Мама с папой умерли, когда мне было три.

– Скончались от загадочной болезни?

– От туберкулёза.

– О, конечно.

Последнее замечание прозвучало слегка цинично. Дельфину, уже согревшуюся и пришедшую в себя, это насторожило. В голосе Эврена слышалось сочувствие, но говорил он так, словно заранее знал её ответы, и это его раздражало. Хотя, судя по первому рабочему дню, это было обычное поведение руководителя раскопок.

– А вы... Этот кашель?..

– Да, я болен тем же, чем и твои родители. И это определённо не туберкулёз.

– Но что тогда?

Руководитель испытующе посмотрел на Дель, совсем как тогда, когда решал, достойна ли она стать археологом. Вид у девушки сейчас был не самый подходящий для серьёзных разговоров.

– Расскажу как-нибудь в другой раз. А пока отвезу тебя в гостиницу.

Чёрный мерседес с открытым верхом ожидал прямо у выхода из пляжа. Знак «Остановка и стоянка запрещена» явно был не для него: и водитель, и полицейские, прибывшие на место, об этом прекрасно знали. Огни фонарей вдалеке стекали по гладкому, отполированному корпусу, как расплавленное золото, делая и без того превосходный автомобиль ещё привлекательнее. Водитель хотел было открыть дверь для спутницы своего босса, но Эврен предпочёл сделать это сам. Дельфина села на заднее сидение, руководитель раскопок занял место рядом с ней.

В дороге они не разговаривали. Дельфина была озадачена как бы невзначай брошенной фразой о причине смерти родителей. Но уточнять ничего не решалась: строгое лицо Эврена и его бескомпромиссность во многих ситуациях заставляли держать язык за зубами. Только перед самой гостиницей девушка осмелилась повернуть голову к своему соседу. Тот спокойно смотрел вдаль, положив руку на краешек двери, словно забыл о существовании студентки.

– До свидания, Эврен Балаурович.

Он ничего не ответил. Чёрный мерседес бесшумно тронулся с места и исчез в глубине обсаженной пальмами дороги.

Возвращение Дельфины очень обрадовало Лену и Стаса, уже успевшего вернуться из больницы. Когда девушка вошла, они сидели на кровати с кружками горячего чая с мёдом – у всех тогда выдался непростой вечер.

– Наконец-то! – воскликнула Лена, бросаясь к подруге с объятиями, – Дельфинчик, как ты добралась?

– Той же дорогой, – ответила девушка, не желая раскрывать подробности.

– Насчёт Егора можно не волноваться, – вставил слово Стас, – Я созвонился с его родителями, они уже оплатили нужные процедуры. Врачи сказали, от взрыва у него случилась небольшая контузия – всё восстановится через пару дней.

– А как же кровь?

– Не знаю. Похоже, он просто ударился, когда упал. Но сотрясения нет. Хотя он бредил, пока мы его везли на скорой...

– Что он говорил?

– Я особо не вслушивался, какую-то бессмыслицу. Кричал, что будет править в каком-то Кефале... Или Кивали...

– В Гевале, – уточнила Дель, – Мне кажется, это какое-то реально существовавшее место. Ты не помнишь, Стас?

– А-а-а, Гевал... Точно. Так называют гористую местность в окрестностях Иордана. Или определённую сказочную гору.

– Сказочную?

– Ага. Из главной человеческой книги сказок.

– Это он про Библию, – сказала Лена.

– Просто называю вещи своими именами, – развёл руками Стас.

Спрашивать, снились ли им подобные сны, после этого казалось бессмысленно. Они поговорили ещё немного на отвлечённые темы, но вскоре разговор вновь скатился к обсуждению посвящения.

– Как думаете, что это было? – спросила Дельфина, – Не похоже на взрыв бомбы.

– Да, я тоже так думаю, – согласилась Лена, – Я слышала слова нашего старичка-туберкулёзника, и они звучали так громко, как будто он говорил в рупор. И словно от этого звука и пошла взрывная волна, или как там её... Ударная?

– Да, у меня тоже сложилось такое впечатление. Только вот никакого рупора у него не было.

– Голос у него просто сверхъестественный! Иначе как бы он уронил криком Егора?

– Ещё что придумаете? – скептически поднял бровь Стас, – Этому акустическому эффекту определённо есть научное объяснение, и нужно искать его вместо того, чтобы создавать небылицы.

– И как ты объяснишь голос, который не могут выдать человеческие связки? – заспорила Лена.

– А я и не спорю, что связки на это неспособны. Зато мозг слушателя может гораздо больше. Уже давно доказано, что восприятие звуков неотделимо от того, что мы ощущаем другими органами чувств. Эффект Мак-Гурка! Так что, вполне вероятно, нам просто показалось, что он говорит так громко.

– По-твоему, мы дурачки?

– Ну что ты, нет. Не дурачки. Дурочки.

Дальше дипломатия оказалась бессильна, и Лена пустила в ход оружие – пуховую подушку с шёлковой наволочкой, которую всегда возила с собой на ночёвки, чтобы заботиться о коже лица. Стас не растерялся и взял свою, быстро перехватив инициативу. Видя, что подруга проигрывает, Дель кинулась на помощь. Визжали и смеялись они так долго, что даже удивительно, как соседи не пожаловались на нарушение тишины и спокойствия. Зато после хлопково-пухового сражения на душе стало гораздо уютнее и теплее – давно не хватало настоящих поводов для радости. Но вот, друзья рядом, живы и здоровы (во всяком случае, почти), они увидели море, стали настоящими археологами... А об остальном они подумают завтра. Не зря же мир уже несколько веков знает Скарлетт О'Хару⁴.

Но, когда пришло время засыпать, Дель охватила тревога. Предыдущие ночи словно выдёргивали её в какую-то параллельную реальность, не спрашивая желания и не оставляя выбора. Девушке было страшно оттого, что сон длился так долго и казался слишком реалистичным. Поэтому она ворочалась, вздрагивая от испуга, как только начнёт дремать. Но усталость пересилила бдительность, и Дель вновь оказалась в загадочном месте под названием Гевал.

Одев свою госпожу, Макпал отвела её в другие покои. Они были значительно меньше: всё убранство состояло из матраса, покрытого, правда, дорогими тканями, складной деревянной ширмы, большого шкафа и столика с лампадой. На подушке посередине комнаты сидела старуха в длинном синем платье с накидкой. Её редкие седые волосы были перехвачены металлическим обручем, украшенным монетами. Чёрные глаза запали глубоко внутрь черепа и выглядели оттуда недоброжелательно, словно охотящиеся крабы. Жёсткие брови кустисто нависали над ними, только усиливая ощущение враждебности.

– Оставляю вас Шамхат, – проговорила служанка, затворяя двери, – Она вам всё объяснит.

Находиться наедине с этой женщиной совсем не хотелось, но в эпоху, в которой оказалась Дель, определённо не знали слова «феминизм». Зато слово «домострой» по лицу старухи читалось очень отчётливо.

– Ложись, Елисава, – бросила женщина, указывая на матрас.

– Зачем? – испугалась Дель, сообразив, что это обратились к ней.

– И не стыдно вопросы задавать, бесстыжая!

⁴ «Я подумаю об этом завтра» (англ. «I'll think about it tomorrow») – знаменитая фраза Скарлетт из фильма «Унесённые ветром».

Шамхат гневно покачала головой. Дель решила подчиниться, хотя происходящее нравилось ей всё меньше и меньше. Старуха открыла шкаф и застучала какими-то инструментами. Было плохо видно, какими именно, но Дельфина решила, что они предназначены для строительства. Увиденное никак не вязалось друг с другом. Наконец, выудив нечто, похожее на огромный циркуль, Шамхат присела на край матраса.

– Ноги согни. Давай, давай, чего ты как палка, деревянная!

– Что? Зачем?

– Обычная проверка перед свадьбой. Или ты уже знала мужчину, раз так мечешься?

– Да что вы... Не трогайте меня! Не трогайте!

– Будешь брыкаться, я стражу позову, не посмотрю, что ты принцесса! Чистота ведь – она на корону не смотрит...

– Перестаньте немедленно!

– Стража!

Схватив Дельфину мёртвой хваткой, старуха прижала её к матрасу. Применяя силу, Шамхат оскалилась, обнажая ряд золотых зубов. Все они блестели, кроме одного верхнего клыка – он ещё оставался настоящим. С таким выражением она была похожа на хищное животное, вступившее в очередную схватку не на жизнь, а на смерть. Дельфине едва хватало сил, чтобы не давать ей сделать ничего больше. Она уже поняла, чего хотела Шамхат – убедиться, что невеста «не испорчена». Действительно, обычная практика в те времена. Но читать об этом было гораздо легче, чем ощущать на себе. При одной только мысли о том, сколько боли может причинить злобная мегера своим деревянным циркулем, бросало в дрожь.

Дель и в реальности не очень-то любила таких докторов. Больше всего ей были неприятны даже не сами процедуры, а необходимость признавать свою женскую несостоятельность – по крайней мере, по мнению врачей. Они всегда задавали вопросы по классическому списку, начиная с числа беременностей и заканчивая количеством партнёров, и с каждым отрицательным ответом всё больше и больше кривились и качали головой. Дель не понимала, что может быть стыдного в том, чтобы ни разу не иметь отношений в двадцать один. Но врачи – женщины, очень похожие на Шамхат – в один голос твердили, что ей срочно «надо найти хоть кого-нибудь, для здоровья». Этими советами она пренебрегла. Но как вела себя Елисава, ей было неизвестно.

На крики старухи в комнату вошёл мужчина с мечом, одетый слишком красиво для стражника. Алый наряд его, расшитый золотым орнаментом, длинные рукава, чистая кожаная обувь, массивные украшения говорили, что он, скорее, был дорогим гостем на предстоящей свадьбе. При одном взгляде на него Дель поняла, что он ей не враг.

– Что здесь происходит? Елисава?

Шамхат опередила Дель.

– Девчонка сопротивляется осмотру! Позовите стражу, чтобы удержать её, господин Ахикар!

– Елисава, почему ты сопротивляешься?

– Ясно, почему! – опять встряла старуха, – Потому что она нечиста, и хочет это скрыть!

Дель умоляюще посмотрела на мужчину в красном. Она удерживала старуху из последних сил и напряглась так, что даже задержала дыхание. Господин нахмурился и положил тяжёлую руку на плечо Шамхат.

– Думаю, над принцессой эта процедура не должна совершаться насильно. Елисава ведь не простая служанка, если ты помнишь.

– Что же мы теперь скажем её мужу? Георгий ведь не захочет...

– Не важно, чего захочет Георгий. Главное ты ему скажи, что всё в порядке.

– Но ведь...

– Это приказ Шамхат. Идём, Елисава.

С облегчением Дельфина вырвалась из ослабшей хватки. Старуха выпустила её неохотно и сверлила злобным взглядом, пока дверь покоев не закрылась.

Будильник из фильма «День сурка» был безжалостен настолько же, насколько внезапен. И, хотя вечером Дель боялась задремать, чтобы не оказаться в Гевале, теперь любопытство заставляло сожалеть о покинутом сновидении. Девушка с трудом вспомнила, кто она на самом деле, и начала собираться в дорогу.

В этот раз обошлось без аварий. Студентов привезли на то же место, к уже готовому раскопу, и они продолжили работу. Стасу досталось кайло, Лена, как всегда, удачно устроилась – успела забрать планшет с бумагой и карандаш, чтобы делать зарисовки. А Дель посадили у ведра с водой – чистить первые находки, которые в этот день не заставили себя ждать.

Археологи прокопали много слоёв, небогатых на древние сокровища: складывалось ощущение, что на протяжении многих веков в этой части долины вообще ничего не происходило. Но по какой-то причине руководитель уже который год привозил группы именно сюда – и причина эта, по всей видимости, лежала в слое, датируемом III-IV веками нашей эры.

Именно из него студенты извлекли металлическое блюдо, украшенное резьбой, несколько военных и сельскохозяйственных орудий и бесчисленное множество сапропелевого угля – явного свидетельства наличия в этом месте водоёма. Рядом начали находить фрагменты чешуйчатых восточных доспехов, сплюснутых так, будто по ним проехал каток.

– Это они из-за давления песка так? – спросил один из студентов.

– Вряд ли, – со знанием дела ответил Стас, – с остальными вещами всё в порядке.

Доспехи стали складывать горкой у раскопа. Из-за своей формы места они занимали немного – повезло тем, кому придётся это грузить, чтобы везти реставраторам.

– Глядите на эту чешуйку, – спустя пять минут изучения артефактов заметил Стас, – Она не расплющилась как остальные.

Студенты побросали лопаты и с интересом сгруппировались вокруг парня.

– Она ещё и по цвету немного отличается! – заметил кто-то.

– И задний край как будто заострён...

– Сто ящеров-панголинов из ста! – воодушевленно заключил Стас, – Она настоящая, не рукотворная. Только вот где они нашли таких здоровенных панголинов?..

Вопрос остался без ответа. Вскоре в соседнем раскопе показались человеческие останки. Дельфине принесли нечто похожее на фрагмент челюсти, и она начала очищать его от песка, орудуя специальной щёткой. Стас, который уже закончил свою часть работы, пришёл посмотреть на артефакт. Увиденное его, как ни странно, рассмешило.

– Чистишь зубки? – пошутил он.

– Ага, – улыбнулась Дельфина.

– Я, конечно, не стоматолог. Но, похоже, надо бы посоветовать пациенту делать эту процедуру чаще, чем раз в восемнадцать веков.

– Определённо!

Затвердевший песок отходил, делая воду в ведре грязно-коричневой и обнажая ряд зубов. Теперь было видно, что это фрагмент верхней челюсти. Её хозяин явно был человеком не бедным: весь ряд зубов был сделан из золота, и только один – клык – оставался настоящим...

От испуга Дельфина выронила челюсть. Булькнув, находка упала в ведро.

– Укусила? – опять пошутил Стас.

– Н-нет, – заикаясь, повторила Дель, отгоняя тени из сна, – Я случайно...

В воображении прочно засела хищная улыбка старухи Шамхат. Много ли у кого ещё могли быть такие зубы? Может, просто совпадение?

– Слушай, – продолжил Стас, – Мы уже столько всего нашли, что надо бы руководителю сообщить. Может, ты к нему сходишь?

– Почему я?

– Ты единственная, на ком он ещё не срывал злость.

Дель заметила, что все студенты отвлеклись от работы и с надеждой посмотрели на неё. Ей стало неуютно.

– Ладно, ладно, – согласилась она, – Так и быть!

Бережно завернув все находки в ткань и упаковав в коробочки, девушка отправилась с ними к шатру, из которого с самого утра никто не выходил. Может быть, руководителя там даже и не было – в глубине души она надеялась на это. Все действия Эврена и даже один его вид лишали её покоя и вызвали водоворот смутных эмоций. Она чувствовала, что есть какая-то причина, по которой он так добр к ней. Причина, из-за которой он остановил на ней свой взгляд, когда увидел впервые, из-за которой отмывал её ладони от крови, согревал шёлковой накидкой, подвозил до гостиницы... Причина, которую она пока не могла назвать.

Выдохнув, Дель отодвинула бархатный полог шатра и вошла внутрь. Руководитель сидел в центре за массивным столом тёмного дерева, заваленным бумагами. Сверху свисала лампа, горящая тёплым светом и мягко освещавшая пространство вокруг. Вдоль полога стояло несколько сундуков и небольшая узкая кровать, а наверху был закреплён кондиционер, охлаждающий шатёр. Работал он на максимальной мощности – температура внутри, по ощущениям, едва подбиралась к отметке в пятнадцать градусов. Дель сразу покрылась мурашками, но ничем больше не выдала своего удивления.

– Здравствуйте, Эврен Балаурович! Мы обнаружили пару находок...

Руководитель поднял голову и посмотрел на Дель. Она вновь поразила его янтарным глазам – казалось, попади в них какой-нибудь муравьишка, и он навеки обретёт там свою тюрьму. А перед Эвреном все чувствовали себя не больше такого муравьишки.

– Кости? Оружие?

– В основном, бытовые вещи и части доспехов. Но есть фрагмент челюсти.

Дель протянула коробочку. Эврен открыл её без особого интереса. Похоже, его интересовали не эти кости. Но девушка всё же решила пояснить.

– Мне кажется, что это челюсть женщины. Она погибла не молодой, уже в достаточно зрелом возрасте. Попросите проверить мою догадку первой. Возможно, это сэкономит нам время.

– Откуда такие предположения? – поинтересовался Эврен.

– Интуиция, – соврала Дель.

– Хорошо, – было видно, что ответ девушки его не устроил, но вдаваться в расспросы руководитель не стал.

Вроде бы, разговор был окончен, но Дель не давали покоя два вопроса, ответы на которые ей мог дать только Эврен. Первый касался её сна, второй – смерти родителей. Она очень боялась сказать что-то лишнее и навлечь на себя злобу руководителя, которой он щедро одарял всех прочих. Поэтому начать решила с вопроса попроще.

– Меня интересует кое-что... Не знаете ли вы, существовал ли город под названием Гевал? Мы смогли вспомнить только горы, но, кажется, было такое поселение...

Эврен отвлёкся от бумаг и встал, оказавшись на голову выше девушки.

– Мы?

– Да, я спрашивала Стаса. Он у нас отличник, если уж он не знает...

– Не сомневаюсь.

– Вы... не скажете?

Дель почувствовала, как руководитель смерил её взглядом. От этого стало ещё холоднее. Девушка набралась смелости и шагнула вперёд, отходя от холодного потока воздуха, чтобы не простыть. Эврен не отрывал от неё взгляда, словно хищник, лишённый периферийного зрения. Дель почувствовала, что без разрешения вторглась на его территорию. В прошлый раз за

подобное действие в Лену полетел арбуз, и она выбежала из шатра, как ужаленная. Но теперь нападения не последовало.

– Не хочешь ли ты мне чего-нибудь рассказать, Дельфина?

– Нет, – удивлённо прошептала она, – Ничего.

– Как скажешь.

На каждый вопрос Эврен отвечал встречным вопросом. Дель поняла, что ничего не добьётся, и направилась к выходу. Она уже протянула руку, чтобы отодвинуть полог, как услышала голос руководителя.

– Гевал был богатым городом. Им правили язычники, верившие в тех же богов, что в Финикии, Ханаане и Сирии. Именно во времена свободного Гевала был заложен фундамент храма, знаменитый трилитон Баальбека. Город процветал много лет, пока в III веке нашей эры не потерял свою свободу, став частью Римской империи. Недостроенный храм квириты закончили и назвали в честь Юпитера. И не только его.

– Гевал находился прямо здесь, верно?

– Да. Он был здесь.

– Прощу прощения, Эврен Балаурович... Но мы ищем что-то конкретное, ведь так? Вы уже несколько лет организуете раскопки в одном и том же месте, хотя результаты сложно назвать блестящими.

– Ты права. Я ищу кое-что очень важное. Скажем, кости, не похожие ни на какие другие кости, и оружие, которого не касаются ни пыль, ни ржавчина. Если обнаружите что-то подобное – немедленно дай мне знать, хорошо?

– Хорошо, – кивнула Дельфина.

Она уже не на шутку замёрзла, так что покинула шатёр с облегчением.

Больше за этот день интересных находок не было. Дель сидела в раскопе сама не своя, постоянно думая о том, что же ей снится на самом деле. Неужели она видит подлинную историю, в которой и сама когда-то принимала непосредственное участие? Но ведь ей всего двадцать, а события в Гевале произошли восемнадцать веков назад! Но совпадение ли, что Егор бредил тем же местом? Что Эврен так подозрительно пытался выспросить подробности? И что история Елисавы похожа на её собственную, за исключением самого главного – дракона? Это мифическое существо, казалось, было камнем преткновения, связующим звеном всех времён и судеб. Этого кусочка мозаики не хватало, чтобы связать всё воедино. Но как найти его, не зная даже, как он выглядит? Пока она размышляла над этим, водя пальцем по поверхности воды в ведре, раскопки уже закончились, и студенты засобирались домой.

По приезду в гостиницу девушка легла спать, не дождавшись ужина. Сон быстро накрыл её, соскучившись после дневной разлуки. Дель отдалась ему целиком, только колени под одеялом едва заметно подрагивали, чувствуя, что Елисава едва поспевает за красивым господином. Она всё ещё потирала покрасневшие запястья.

– Больно? – спросил он с сочувствием.

– Немного. Спасибо вам, господин... Ахикар.

– Ты чего, Сав? Мы ведь одни. Можешь назвать меня как обычно, братец Ахи. Похоже, Шамхат тебя действительно сильно напугала, раз ты совсем растерялась. В день свадьбы этого делать совсем не следовало. Я прикажу её наказать.

«Значит, господин Ахикар мой брат, – поняла Дель, – А я принцесса Гевала по имени Елисава. Надо запомнить». Но помимо этих двух имён в памяти отложилось ещё одно.

– Спасибо тебе, Ахи. Можно мне ещё кое-что спросить?

– Конечно.

– Моего жениха зовут Георгий, правильно?

– Да. Вы ведь уже виделись, забыла?

– Так волнуюсь, что всё из головы вылетело, – почему-то Дель решила, что Елисава была легкомысленной и попыталась вжиться в образ восточной принцессы, – Нет ли у тебя его фото... точнее, портрета?

– На самом деле, есть один. В моих покоях. Хочешь взглянуть?

Они проследовали по красивым каменным коридорам с геометрическими орнаментами, завернули за угол и вошли в массивные резные двери. Покои Ахикара выглядели ещё богаче, чем комната Елисавы. Помещение было светлым и уютным, кисти на балдахине кровати слегка трепетали, колышимые ветром. Вдоль стены стояло три тяжёлых сундука, на круглом столе в центре были разложены дорогие кинжалы, ещё несколько висело на стене напротив окон. На шкафчике рядом с кроватью стоял поднос с фруктами, расписанный кувшин с изображением рычащего льва и два стакана. Ахикар наполнил их и один подал Дельфине. Внутри оказалось вино. Девушка слегка поморщилась.

– Узнаю свою любимую сестрёнку! – рассмеялся принц, отбрасывая за спину длинные чёрные волосы, – Сейчас станет легче.

– Так у тебя здесь портрет этого... Георгия?

– Ах, да, – он открыл шкаф и начал в нём рыться, пока не нашёл среди прочих мелочей вроде подвесок, точильных камней и обрезков воловьей кожи маленький кусок пергамента, – Вот, твой суженый. Красив, как Шамаш⁵ в полдень.

Дрожащей рукой Дель взяла портрет, который по размеру был не больше ладони...

Всё следующее утро Лена заговорщически подмигивала подруге. Дель никак не могла понять, на что она намекает, поэтому, в конце концов, красавице пришлось спросить прямо.

– Ты всё ещё не рассказала, как всё прошло в шатре у Эврена. Завалилась молча спать, оставила интригу. Как там было?

– Холодно.

– И всё? Он что-нибудь говорил?

– Ну... Говорил сразу рассказывать ему, если мы вдруг что найдём.

– Ты была там минут пятнадцать. Всё остальное время вы молчали что ли?

– Ты что, засекала?

– У меня это само собой получается, когда дело идёт о богатых мужичках.

– Ты же, кажется, уже передумала его соблазнить?

– Передумала. Но мне интересно, что он в тебе нашёл... Ты что, покраснела, дорогая?

Дель легла на свою кровать и закрылась одеялом с головой. Стас жестом остановил Лену от того, чтобы продолжать расспросы. И это друзья ещё не знают о том случае на пляже... Дель была неопытна в романтических делах, но боялась открыться Лене – не хотела, чтобы её чувства тут же оценили в валюте. То незнакомое, что она чувствовала к Эврону, было настолько личным, нежным и хрупким, что его нельзя было доверить никому. Никому, кроме самого руководителя.

Пытаясь понять, чем Эврен так её притягивает, Дель никак не могла найти ответ. Он был красив и богат – но это никогда не было для неё определяющим. Несомненно, он был умен и серьёзен – это она ценила во всех людях. Но главное, что заставляло мысли вновь и вновь возвращаться к обладателю тёплых янтарных глаз – это общая тайна. Секрет, ни разу не облечённый в слова, и, тем не менее, витающий между ними. Эврен словно знал про Дель всё, включая историю родителей, которую она и сама-то собирала по обрывкам документов и фотографий, словно мозаику. А когда он рассказывал про Гевал, голос его неуволимо изменился, понизился и смягчился, словно и для него это место было каким-то сокровенным.

⁵ Бог Солнца в вавилоно-ассирийской мифологии.

На протяжении дня Дель постоянно ловила себя на мысли, что смотрит в сторону шатра, ожидая, что полог его отодвинется, и Эврен выйдет наружу. Но он не показывался ни на минуту, предпочитая сидеть в адском холоде и при искусственном освещении. Странностей у него действительно было хоть отбавляй, тут со старшими не поспоришь.

К счастью, очередная находка отвлекла Дельфину от тоскливого ожидания. В этот раз артефакт оказался масштабным. Сначала из толщи песка показалось что-то белое и гладкое, напоминающее руины античных колонн. Стас, осторожно поковыряв материал, заявил, что это не что иное, как кость. Но чем дальше её раскапывали, тем крупнее эта кость становилась – спустя пару часов находка уже могла сравниться по размеру с капотом легкового автомобиля. Сходство усиливали симметричные впадины как раз в тех местах, где могли бы быть фары.

– Сенсация, друзья! – крикнул Стас, едва сдерживая смех, – Мы откопали самый первый автомобиль в истории!

– И что это за костяная колымага? – слышались смешки со всех сторон, – На чём она ездила, в третьем-то веке?

– На коровьем навозе, – с серьёзным лицом заявил Стас, и воцарилась тишина, – А что? Не зря же в этих местах процветал культ Баала, или, как его ещё называют, Золотого тельца. Навоз высушивали определённым образом, делали кизяк. Закидывали пару вонючих шайбочек в бензобак и гнали с ветерком на вечеринку куда-нибудь в Вавилон.

Студенты молчали. По напряжённым лицам было видно, как до них постепенно доходит истина.

– Да ты гонишь! – первой поняла Лена, привыкшая к шуточкам парня.

– Мы, наверное, какого-нибудь динозавра откопали!

– Или слона!

– Нечего гадать, надо звать этого... ну, из шатра.

– Я позову! – вызвалась Дельфина.

Все удивлённо посмотрели на неё. Впрочем, и не без облегчения – никому не хотелось идти за странным седым тридцатилетним боссом, который запрещает всё, что видит. Даже по имени старались его не называть – явный признак неприязни и страха.

Дель отодвинула полог и вошла в полутёмный шатёр. В этот раз Эврена за столом не было – он лежал на узкой кровати, стоящей вдоль тканевой стены, и, похоже, спал. Одна рука его опускалась до ковра на полу, и ворс, которого касались костяшки пальцев, был тёмным и пах палёной шерстью.

Осторожно приблизившись, Дель опустилась на колени, чтобы поднять руку Эврена и убедиться, что ковёр уже не тлеет, и тушить ничего не нужно. Но, как только она прикоснулась к запястью мужчины, тут же ощутила, что оно горячее, как песок во время полуденного перерыва.

«Да у него ужасный жар!» – испугалась Дель. Руководитель, и правда, лежал, как больной. Сон его был так глубок, что он не услышал, как девушка вошла, не отреагировал на её прикосновение. Дыхание, вырывавшееся из его груди, было тяжёлым и хриплым. Дель отлично помнила, что её мать и отец болели точно так же. Единственным лекарством, облегчавшим страдания родителей, был холод. В этот миг Дель поняла, в чём проблема – Эврен уснул, а кондиционер, видимо, отключился. Она быстро нашла пульт – благо, он лежал совсем рядом, на рабочем столе рядом с бумагами, – и поставила режим «Максимум». Ледяной поток устремился к больному, откинув назад его пепельные волосы.

Следующим шагом Дель решила убрать одеяло. Хотя оно и было совсем тонким, любая ткань препятствует охлаждению, а этого допускать нельзя. Откинув тончайший слой шёлка, девушка увидела, что спит Эврен в одних шортах. «А что такого, – попыталась она убедить сама себя, заливаясь краской, – Все так спят. Я вот тоже не в шубе ложусь...». Как Дель не пыталась отворачиваться, любопытство пересилило смущение. Эврен был счастливым облада-

телем идеальной фигуры – не той, что рисуют в журналах для спортсменов рядом с рекламой протеина, а той, что Микеланджело воплотил в статуе Давида. Широкие плечи, сужающиеся трапецией к талии, выделяющиеся ключицы, в ложбинку которых так и хотелось налить пару ложек воды и опустить бутоны каких-нибудь мелких цветов, вроде незабудок или вербены... Внезапно в кудрявую голову Дель пришла вполне безобидная идея – послушать пульс больного. Наверняка при такой высокой температуре сердце должно выдавать под сотню ударов в минуту.

Дель подползла поближе и положила голову Эврону на грудь. Русые волосы её рассыпались по кровати. Кожа руководителя раскопок была твёрдой и упругой, как у косатки. Лежать на горячей груди Эврена было приятно, и Дель сама не заметила, как вытянула руку, обнимая его, но вовремя вспомнила, что должна слушать пульс. На удивление, сердце билось ровно и даже медленно – за минуту девушка насчитала всего пятьдесят восемь ударов...

– Озеро... – вдруг слабо прошептал Эврен, – Мне нужно к моему озеру...

Услышав это, Дель вскочила, чтобы не оказаться обнаруженной в столь сомнительном положении. Эврен открыл глаза, но, похоже, всё ещё находился под влиянием своего сна, вызванного лихорадкой. Девушка схватила со стола кипу бумаг и стала махать ей над руководителем, как веером. Постепенно тот начал приходить в себя. Холод возрождал его к жизни быстро, он становился крепче на глазах, как вода в морозильнике схватывается, превращаясь в кусочек льда. Уже через пару минут он нашарил под подушкой рубашку и надел её под ничем не выданное разочарование Дельфины.

– Что ты тут делаешь? Который час? Я...

Эврен начал судорожно что-то искать, и Дельфина догадалась, что именно, – протянула ему пульт от кондиционера. Руководитель выхватил его, посмотрел на дисплей и увидел, что холод выставлен максимальный.

– Это ты включила? – сообразил он.

– Да, – честно призналась Дель, – Моим родителям это помогало.

– Спасибо, – он взглянул на девушку так искренне, что у неё побежали мурашки, – Если бы не ты, я, может быть, и не проснулся бы.

– Это всё ваша болезнь?

– Пока жара отступила, всё будет в порядке.

Они немного помолчали.

– Во сне вы говорили про какое-то озеро, – спросила Дель, которой чутьё подсказывало, что это может быть важно.

– Да, мне снилось кое-что... Раньше в этой долине находилось особое озеро, воды которого были способны исцелять от таких болезней, как моя. Но оно давно пересохло.

– Мне жаль. И больше ничего не может помочь?

– Увы, – руководитель вновь посмотрел на часы, в этот раз осмысленно, – Так зачем ты пришла?

– Мы обнаружили кое-что, – вспомнила Дель, – Огромную кость.

Не задавая вопросов, Эврен встал и направился к выходу.

– Вы точно можете идти на жару?

– Я в порядке. Пару минут выдержу.

У выхода, спрятанная за пологом, стояла неприметная баночка с синей жидкостью на дне. Эврен поднял её, вылил всё, что осталось, в стоящую на столе рюмку и залпом выпил. Дель ощутила аромат спирта, смешанного с ацетоном и мебельной краской.

– Что это?

– Моё лекарство. Не обращай внимания.

Он вышел из палатки и направился к группе студентов, продолжавших раскапывать костяное авто. Дель поспешила за ним. Когда руководитель подошёл, все замолчали и отсту-

пили на несколько шагов. Эврен осторожно положил руку на то, что студенты называли капотом, провёл ладонью по гладкой кости так нежно, как водитель гладил бы свою машину, служившую много лет верой и правдой. Потом он обернулся, взял лопату у парня в толпе – тот от страха отпустил её даже раньше, чем нужно, и она чуть не упала – и стал копать не вперёд, а вниз.

Студентам, ожидавшим увидеть колёса или хотя бы место, куда они могли бы крепиться, пришлось разочароваться и разубедиться в своих догадках. Вместо шин в этом костяном автомобиле на навозном двигателе оказались огромные, величиной с половину человеческого роста, острые клыки. Благодаря этой важной детали все вдруг разом увидели, что на самом деле это никакая не машина, а морда гигантского существа, от которой они за несколько часов смогли откопать только самый кончик с ноздрями, размером с самолётные турбины.

Археологи замерли, испугавшись своих догадок. Этот костяной мегалодон никак не мог быть динозавром – просто потому, что все они вымерли миллионы лет назад, задолго до нашей эры. Но что тогда это было за чудовище? Все уставились на Эврена, ожидая, что хотя бы он даст какое-нибудь объяснение. Но руководитель прояснить ситуацию не стал.

– Кто-то уже сделал фото и зарисовки? – сурово спросил он, не оборачиваясь к толпе.

Лена протянула ему листки и фотоаппарат. Он сложил их и убрал в карман. После этого повернулся и смерил глазами всех присутствующих так внимательно, будто решал их судьбу.

– Завтра у нас всех выходной. В честь Старого Нового года. Я организую экскурсию на Фарайю – лыжи и экипировку там дадут в аренду, поэтому брать ничего не нужно.

Толпа бы обрадовалась, если бы не была так озадачена. Им требовалось время, чтобы осознать произошедшее. Руководителю было всё равно – он хотел лишь отвлечь археологов и забрать доказательства. И то, и другое он уже сделал, поэтому развернулся и отправился в палатку. Но Стас всё-таки не выдержал.

– Эврен Балаурович!

– Что ещё? – руководитель обернулся.

– Скажите, что мы раскопали? Кого?

– Амфицелия, – руководитель ответил так, будто это было очевидно.

Стас на секунду замешкался.

– Но ведь это невозможно! Даже если принять сомнительные изыскания Эдварда Копа⁶... В третьем веке он точно никак не мог существовать!

– Тогда, может, его извлекли древние археологи? – ответил Эврен и удалился, показывая, что разговор окончен.

Стас так и остался стоять в растерянности. Факты никак не хотели стыковаться в его голове. Когда Лена и Дель подошли к нему, он всё ещё бубнил про себя: «Вид *Amphicoelias* был описан в 1878... И в сравнении с *Supersaurus vivianae*... Так... Это 1,8 против 2,4...».

– Эй, ты чего завис?

– Это всё какой-то бред, – заявил парень, – Во-первых, существование амфицелия ещё не доказано, потому что находка Копа – лишь пара фрагментов позвонков, которые раскрылись ещё до того, как их успели тщательно изучить. Во-вторых, даже если сделать фантастическое предположение о том, что это голова самого большого в мире динозавра, каким-то нелепым образом появившаяся в третьем веке, то всё равно ничего не сходится. Объём его черепа должен был быть минимум вдвое меньше, потому что таскать такой кочан на длинной шее просто невозможно с точки зрения элементарной анатомии!

– Или у него шея должна быть как бицуха! – сказала Лена.

⁶ Эдвард Коп – североамериканский натуралист и палеонтолог, впервые описавший обнаруженный фрагмент позвонка динозавра амфицелия. В числе прочих характеристик было указано, что размеры позвонка превышают таковые у всех известных к тому времени сухопутных животных.

– Шутишь? – Стас вдруг стал серьёзным, – От нас пытаются что-то скрыть, а ты беззаботно позволяешь настоящей науке уплывать из-под носа.

– Пусть уплывает. Меня интересуют другие рыбки.

– А ты, Дель? Неужели не понимаешь, что это никакой не амфицелий? И вообще не зауропод!

Дельфина всё прекрасно понимала. Эврен явно пытался пустить студентам пыль в глаза, скрыть истинное положение дел. Но, хоть она и не знала причину такого поведения, чувствовала, что это их общая тайна, и ей нужно во что бы то ни стало её защитить. И она решила надавить на больное – тактика, к которой она прибегала только в самых безвыходных ситуациях.

– Ты сейчас говоришь так, словно веришь в какую-то теорию заговора.

– Чего-о?

– Сам посуди: Эврен Балаурович – руководитель раскопок, он хочет найти что-то ценное и прославиться. Зачем ему что-то скрывать, если надо наоборот – рассказывать?

– Откуда мне знать? Может, он чёрный копатель, хочет присвоить себе находки и потом нелегально их продать?

– Глупости. Я сама относилась к нему найденные артефакты и видела, что он готовит их для передачи реставраторам. А эту огромную голову динозавра ни за что не вывезти незаметно. К тому же, где ты видел, чтобы чёрные копатели трудились официально? А у нас всё законно. Даже договор с университетом есть.

– Да, тоже верно, – вздохнул Стас.

У Дель отлегло от сердца. Если она и не переубедила друга, то точно удержала от необдуманных поступков. А Лена, почувствовав, что появился благоприятный момент перевести скучную тему, сказала:

– Кстати, ребята, а вы заметили, чем пахло от нашего деда?

– Чем?

– Какой-то гадостью. Чем-то вроде спирта, ацетона и этого...

– ... мебельной краски, – добавила Дель.

– Точно! Вы что, в шатре ремонт делали?

– Вообще-то это был запах антифриза, – вмешался Стас, спасая Дель от неловких оправданий.

– Чего-чего запах?

– Антифриза. Охлаждающей жидкости.

– Её разве пьют?

– Шутишь? Там же этиленгликоль – это всё равно, что метанол выпить.

– Сильная штука!

– А то. Есть, конечно, антифризы на основе нетоксичного пропиленгликоля, но они значительно дороже, и...

– Вам не кажется, что Егора всё-таки не хватает? – вздохнула Лена, – Он так хорошо умеет останавливать этот бесконечный поток бесполезных фактов...

При всём желании Дель не могла с этим согласиться. С Егором было всё в порядке – несмотря на то, что парень находился в больнице, девушка уже спустя сутки начала получать от него смс. И даже в виде текстовых сообщений его было слишком много. Он хотел знать всё, просил, чтобы Дель присылала ему фото, рассказывала, что ест, что видит, о чём думает. Скоро сострадание к больному в ней окончательно сменилось усталостью, и она перестала отвечать Егору. Тот, видимо, стал задавать вопросы о ней Лене и Стасу – по крайней мере, они вдруг начали подолгу глядеть в телефоны с недовольными выражениями на лицах.

Так было и сегодняшним вечером – после ужина друзья расселись по своим кроватям в обнимку с гаджетами, и Дель воспользовалась воцарившейся тишиной, чтобы поскорее заснуть.

Руки, спрятанные под одеяло, вновь ощутили тонкий лист пергамента. Дель взглянула на него. Одного беглого взгляда хватило, чтобы её глаза округлились, а губы задрожали, как у маленького ребёнка. С портрета на девушку смотрел Егор. В том, что это был именно он, не было никаких сомнений: совпадала не только внешность, но и неуловимый презрительный взгляд, сообщающий окружающим о собственном превосходстве. Неужели придётся отбиваться от него ещё и во сне?.. Дель чуть не расплакалась.

– Вижу, вспомнила, – вздохнул брат, – Ты всё ещё думаешь о другом, Сава?

– Уж точно не об этом, – Дель вернула портрет.

– Такова судьба принцесс, сестра моя. Я понимаю, что ты любишь того мужчину. Но ведь он дракон! Нельзя, чтобы он испортил нашу царскую кровь. А Георгий влюблён в тебя, поэтому отец и ухватился за возможность избежать твоего брака с чудовищем...

– Значит, я уже должна была выйти замуж, но помолвка была расторгнута? – спросила Дель, совсем забыв, что хотела притворяться Елисавой.

– Ты совсем растерялась и всё забыла, милая моя Сава? Бедняжка... – он нежно погладил сестру по голове, – Не удивительно, учитывая, что твоего любимого должны будут казнить прямо в день свадьбы. Не позавидуешь.

– Казнить?

– Никто не хочет иметь в королевстве дракона, способного спалить весь город за считанные минуты. А у Георгия, говорят, как раз есть план, как его уничтожить... Я говорю это тебе только затем, чтобы ты поняла, почему отец так поступает. И смирилась!

– А где он? Этот дракон?

– Не знаю. Наверное, на своём озере, как и всегда. Постой, не хочешь ли ты?..

– Я должна его увидеть!

– Нет! Тебе нельзя покидать дворец до церемонии! Когда ты сбежала в прошлый раз, я чудом смог уговорить отца не наказывать тебя. В этот раз у меня точно не получится!

– Но Ахи!

– Я тебя не отпущу! Не хочу, чтобы сегодняшний день стал последним и для тебя, и для Гевала. Если хочешь, можешь остаться в моих покоях, но я поставлю стражу у дверей.

Мельком глянув за окно, Дель прикинула, что окна брата находятся максимум на втором этаже – гораздо ниже её собственных. У неё сразу родился план.

– Хорошо. Я останусь здесь. Хочу побыть одна.

– Молодец. Я ухажу, чтобы подготовить всё к твоей свадьбе. Буду очень стараться, чтобы ты оценила.

Удаляясь, брат обернулся. Лицо его выражало скорбь. Было видно, что он колебался, но вскоре решился.

– Нам всем очень жаль, что так вышло. Но дракон... Отец не мог иначе. Прости.

Дверь захлопнулась, шаги брата стихли в каменных коридорах. За стеной только изредка слышался шёпот стражников и стук ножен о броню. Эти двое вооружённых воинов знают, что Елисаве нельзя выходить. Но они не видят окон.

Прямо напротив покоев Ахикара росла раскидистая смоковница. Её светлые бугристые ветви манили Дель на улицу. И, хоть листья все были сухие, мёртвые от палящего зноя, вид дерева очень обрадовал девушку. Она не хотела терять ни минуты: кто знает, сколько времени ещё в запасе? От одного только воображаемого образа Егора в дорогом свадебном костюме начинало тошнить. Отвращение было настолько сильно, что Дельфина вновь вытащила его портрет и, не взглянув, поднесла к лампаде. Пергамент вспыхнул быстро, но горел как-то неохотно, будто сам огонь не желал прикасаться к его лику. Наконец, портрет превратился в пепел, и девушка подошла к столу, чтобы захватить с собой какой-нибудь из кинжалов.

Все они имели одинаковую гравировку на языке, который Дель не знала. Может быть, на оружии стояло имя Ахикара, а может – мастера, который выковал его. Принцесса перебирала

клинки, думая, какой из них получится незаметно спрятать под платье. Вдруг солнце вышло из-за облаков, и луч его блеснул на клинке, кажется, ещё не вполне завершённом. Он походил на часть копья, которую ещё не соединили с древком. На ромбовидном наконечнике тоже была сделана гравировка, но теперь помимо слов там виднелся ещё и символ – крест с неровными, загнутыми краями, походившими на языки пламени. Из курса по истории искусств Дель помнила, что крест сам по себе с древности считался символом огня. Наверное, этот клинок был особенным: на солнце он сиял ярче других – возможно, из-за особой полировки – а в тени казалось, что он сам светится изнутри. К тому же, из-за отсутствия древка его легко можно было зацепить за что угодно, например, за пояс платья. Дель аккуратно пристегнула оружие и огляделась в поисках зеркала. Ничего похожего на отполированный золотой поднос, какой был в покоях Елисавы, в комнате брата не обнаружилось. «Одно слово – мужчины», – с досадой подумала она и осторожно высунулась из окна, чтобы посмотреть, нет ли там стражи.

На мощёной жёлтым камнем дорожке не было ни души. Более того, смоковница наклонялась к окну из-за каменного забора, ограждающего дворцовый двор, а ствол её вёл на свободу. Вытерев вспотевшие ладони о платье, Дель вытянулась и схватилась за верхнюю ветку, повиснув на ней. И в этот самый момент поняла то, о чём стоило догадаться раньше – а именно, почему все листья смоковницы засохли, и на ней нет ни одного плода. Сухое, пустое дерево давно погибло, а потому под весом Дельфины ветка предательски надломилась и рухнула вниз. Девушка чудом поймала баланс, встав на ноги обратно в оконный проём, из которого собиралась сбежать.

Во дворце послышалось шевеление. Видимо, упавшая ветка наделала много шума. Дель поняла, что прибежавшие на звук точно догадаются, по какой причине сломалась мёртвая смоковница, и тогда на побег не останется ни единого шанса. Потому, взяв приличный разбег от столика с кинжалами, она оттолкнулась и прыгнула прямо на сердцевину ствола, откуда расходились все ветви. Это место устало опиралось на забор, а потому должно было выдержать девушку. В полёте, который занял всего несколько секунд, она успела твёрдо убедиться, что даже смерть не станет для неё поводом бросить попытки избежать этой свадьбы.

Приземление было жёстким. Дельфина ухватила за ветви, сорвав сухую кору и сломав два ногтя. Совсем небольшие потери по сравнению с тем, что до свободы оставался всего один прыжок. Голоса стражников и служанок слышались всё громче, и вот вдалеке уже замелькали вооружённые фигуры. Не рассматривая, кто это, Дель прыгнула в песок и побежала.

Она не имела ни малейшего понятия, где здесь может быть озеро. Впереди, на склоне горы, лежал город, и она надеялась затеряться в нём и узнать точное направление, но её планы прервал громогласный рёв, звучащий откуда-то с востока. Дель сразу поняла, что это дракон. Во-первых, звук был очень похож на те, что бывают в фантастических фильмах, с той лишь разницей, что здесь к нему примешивалось какое-то отчаяние, как в последнем мычании коров перед скотобойней. Во-вторых, этот звериный рёв был настолько силен, что никакое другое животное было бы на него попросту неспособно. От него даже взмыли в небо и заматались птицы со всех окрестностей Гевала.

Страх отступил, будто его и не было. Дель приводила в ужас одна только мысль о предстоящей свадьбе, тогда как огромное огнедышащее существо нисколько не пугало. Раз уж она была счастлива выйти за него замуж, то дракон ей явно не враг. Девушка побежала в сторону, откуда слышался рёв – в противоположную от города.

Бежать по песку было немногим легче, чем по воде – ноги увязали, замедляя и отнимая силы. Из кустов то и дело слышалось шипение и шуршание змеиной трещотки, но Дельфина не останавливалась, не оборачивалась на звук. Все вокруг – и в реальности, и во сне – то и дело твердили ей о драконе, который решал и судьбу Гевала, и её собственную. Поэтому нужно было как можно скорее встретиться с ним, чтобы не стало слишком поздно.

Гадалка предостерегала её от этой встречи. Говорила, что если Дель увидит его – обратного пути уже не будет. Но она ничего не говорила о свадьбе, хотя эта необратимая в древности церемония пугала гораздо больше, чем встреча с самым благородным существом.

Макпал и Лена оказались правы: виссон был великолепной тканью. Бежать в нём было так же комфортно, как в современной спортивной одежде. Воздух свободно проходил сквозь платье, обдувая разгорячённую кожу, впитывая в себя влагу и почти не становясь тяжелее. Ткань даже не липла к телу, оставляя раскрасневшуюся Дельфину всё такой же царственно прекрасной.

Наконец, на горизонте что-то заблестело, переливаясь. Вода! Лёгкие волны искрились в лучах солнца, как драгоценное украшение. Ветер стал прохладнее, и Дельфина ускорила. Она искала глазами огромное существо, рёв которого привёл её сюда, но ничего подобного на берегу и во всём обозримом пространстве не было. Выходит, он улетел. Выходит, всё зря!

Дель остановилась, тяжело дыша. Перед глазами плыли полупрозрачные круги. Когда они прошли, девушка увидела, что находится на берегу не одна – у самой кромки воды, спинкой к ней стоял черноволосый мужчина. Его обнажённая спина была покрыта крупными, заострёнными на концах чешуйками, отливающими на солнце так, словно они были сделаны из металла. Его фигура показалась Дельфине смутно знакомой, и она медленно двинулась к нему. Сделать это незаметно не получилось: словно почувствовав движение, мужчина обернулся...

Наутро Лена разбудила подругу и Стаса даже раньше положенного. Дель разозлилась, что сон опять прервали, но быстро взяла себя в руки: всё-таки она никому не рассказывала о том, что видит ночью, а потому и возмущаться бессмысленно. Лена вертелась перед зеркалом, полная энтузиазма: макияж сегодня так увлекал её, что она напевала под нос старую, но заводную песенку. Некоторые слова она ради собственного удовольствия заменяла на ходу. «Rich lebanese boy, уеду с тобой! Уеду с тобой – Урал, прощай!»⁷, – пел её нежный голосок.

– Ты чего такая воодушевлённая? – спросил Стас, потирая глаза.

– Мы же едем на горнолыжный курорт! А это известное место обитания богатых женихов.

– А-а, – протянул он в ответ, – Всё ещё маешься этой дурью.

– Можешь иронизировать, сколько влезет. Посмотрим, что ты скажешь, когда я куплю тут какую-нибудь виллу. Обязательно позвоню тебе на твой кирпич. Фотки-то на него всё равно не отправить, он же чёрно-белый.

– Зато он заряд держит больше недели! А твой айфон с проводом не расстается, как больной с капельницей.

– Ребята, не ссорьтесь! – вмешалась Дель, – Моя подушка больше не выдержит экзекуций!

– Мы и не начинали, – кокетливо заявила Лена, рисуя блёстками снежинку на щеке.

⁷ Лена поёт про свои мечты о богатом ливанском парне на мотив песни «American boy» группы «Комбинация» (1990).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.